Священникъ Н. Н. Писаревъ.

Къ вопросу о причинахъ и задачахъ современной войны.

Цѣна 30 коп.

Изданiе
въ пользу воиновъ русскихъ, черногорскихъ и сербскихъ и ихъ семействъ.

Священникъ Н. Н. Писаревъ.

КЪ ВОПРОСУ

О ПРИЧИНАХЪ И ЗАДАЧАХЪ

СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1914.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи, Епископъ **Анатолій**.

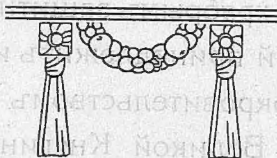
Отъ автора.

Въ переживаемую нашимъ Отечествомъ тяжелую годину, когда доблестные русскіе воины, въ борьбѣ съ германизмомъ, проливаютъ свою кровь ради упроченія въ будущемъ европейскаго мира и ради защиты Славянства отъ нѣмецкаго засилья,— внутри Россіи, вдали отъ боевыхъ позицій, кипитъ работа лицъ, желающихъ, по сознанію лежащаго на нихъ гражданскаго долга, такъ или иначе облегчить тяжелую участь сражающихся воиновъ и ихъ семействъ. Св. Русь покрылась сейчасъ громадною сѣтью различныхъ благотворительныхъ организацій, созданныхъ горячей любовью вѣрныхъ сыновъ Россіи къ своей Родинѣ и ея храбрымъ защитникамъ. Къ числу такихъ организацій принадлежитъ и состоящій подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини **Милицы Николаевны** Комитетъ по оказанію помощи раненымъ воинамъ русскимъ, черногорскимъ и сербскимъ и ихъ семействамъ и семействамъ убитыхъ воиновъ (подробнѣе о задачахъ Комитета и о направленіи въ него пожертвованій см., напр., „Новое Время“ 1914 г. № 13851, „Русское Слово“ 1914 г. № 225).

Означенный Комитетъ, находящійся въ Москвѣ, предложилъ мнѣ принять посильное участіе въ его высоко-гуманной дѣятельности. Съ горячей готовностью принимаю такое любезное предложеніе и въ качествѣ первой скромной лепты на усиленіе средствъ Комитета осмѣливаюсь предложить все изданіе настоящей книжки. Печатаемое въ ней сообщеніе представляетъ публичную платную лекцію, прочитанную 21-го сентября с. г. въ актовомъ залѣ Императорской Казанской Духовной Академіи въ пользу академическаго лазарета для больныхъ и раненыхъ воиновъ.

КАЗАНЬ
1914, X, 9.

Э. о. профессоръ Академіи
Священникъ Н. Писаревъ.

„Кровь человѣческая драгоцѣнна, война ужасна; но Божія рѣшенія неисповѣдимы, и долгъ долженъ быть свершенъ, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ.

Развѣвайтесь же, знамена! Боевыя трубы, звучите! Народы, ломитесь въ бой! Богъ движетъ человѣчество!“ (А. С. Хомяковъ—„Письмо къ пріятелю—иностранцу предъ началомъ Восточной войны“).

Въ 1882 году группа сербскихъ студентовъ въ Парижѣ горячо привѣтствовала находившагося тамъ знаменитаго героя послѣдней русско-турецкой войны генерала М. Д. Скобелева, извѣстнаго сторонника и защитника славянскихъ народностей. Отвѣчая на привѣтствіе сербской молодежи, М. Д. коснулся, между прочимъ, вопроса—почему Россія не всегда достаточно энергично отстаиваетъ именно ей свойственную руководящую роль въ Славянскомъ вопросѣ. „Это потому, говорилъ М. Д., что какъ внутри, такъ и извнѣ Россіи приходится вести борьбу съ чужеземнымъ вліяніемъ. Мы не хозяева въ собственномъ домѣ. Да, чужеземецъ у насъ вездѣ. Рука его проглядываетъ во всемъ... Мы игрушки его политики, жертвы его интригъ, рабы его силы... Его безчисленныя и роковыя вліянія до такой степени господствуютъ надъ нами, парализуютъ насъ, что если, какъ я надѣюсь, намъ удастся когда нибудь отъ нихъ избавиться, то не иначе, какъ съ мечемъ въ рукахъ. И если вы пожелаете узнать отъ меня —кто этотъ чужеземецъ, этотъ пролазъ, этотъ интриганъ, этотъ столь опасный врагъ русскихъ и славянъ, то я вамъ его назову:

Этотъ виновникъ — „Drang nach Osten“, вы его всѣ знаете—это нѣмецъ.

Повторяю вамъ и прошу не забывать—нашъ врагъ нѣмецъ. Борьба между Славянами и Тевтонами неизбѣжна... Она даже близка. Это будетъ продолжительная, кровопролитная, страшная борьба, но что касается меня, то я убѣжденъ, что въ концѣ концовъ побѣдятъ славяне. Что касается васъ, то съ вашей стороны весьма естественно желаніе узнать, какъ слѣдуетъ держать себя, ибо у васъ кровь уже льется. Объ этомъ я не стану много распространяться, но могу васъ увѣрить, что если попробуютъ тронуть государства, признанныя европейскими договорами, хотя бы Сербію и Черногорію... О, тогда не вы одни будете драться“ [1]).

Эти слова генерала Скобелева, какъ эхо, пронеслись по Германіи и Австріи и все же настолько больно укололи сожженную совѣсть нѣмцевъ, поднявшихъ невообразимый шумъ, что М. Д. долженъ былъ прекратить свой заграничный отпускъ и, по предложенію русскаго правительства, боявшагося международныхъ осложненій, выѣхать на родину—въ Россію. Если нѣмцы въ данномъ случаѣ только лишній разъ подтвердили справедливость изреченія— „Юпитеръ, ты сердишься, значитъ ты не правъ“, то М. Д. оказался положительно ясновидящимъ. Предсказаніе М. Д. какъ нельзя полнѣе воплощается сейчасъ въ тѣхъ жестокихъ кровавыхъ военныхъ событіяхъ, которыя развертываются въ настоящее время на европейской территоріи, и въ которыхъ или участвуютъ или заинтересованы почти всѣ болѣе или менѣе выдающіяся государства Стараго и Новаго свѣта: если *пока* только Россія, Англія, Франція, Бельгія, Сербія, Черногорія, Японія, Германія и Австрія выступили на поле брани въ качествѣ активныхъ членовъ грандіозныхъ военныхъ коалицій, то другія державы *пока* только пристально присматриваются и чутко прислушиваются ко всему, что происходитъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. У всякаго изъ перечисленныхъ госу-

---

[1]) „Новое Время“ № 13790.

дарствъ есть свои специфическія причины, по которымъ оно принимаетъ участіе въ развивающихся событіяхъ; но среди всего разнообразія поводовъ можно подмѣтить и нѣчто общее, что объединяетъ державы тройственнаго согласія и сочувствующія имъ, что заставляетъ эти державы со всей энергіей опрокинуться на Австро-Германцевъ, что превращаетъ современную военную эпопею въ событіе, равное которому трудно подыскать во всемірной исторіи. Выяснить съ самыхъ общихъ сторонъ смыслъ настоящей войны и указать, въ частности, положеніе въ ней нашего Отечества—эти вопросы, поскольку они освѣщаются исторіей и поскольку на нихъ реагируетъ сознаніе современнаго правительства и общества,—эти вопросы и составятъ предметъ настоящаго чтенія.

„Macht vor Recht" т. е. сила выше права или впереди его—такова спеціально-германская государственная идея, опредѣляющая международныя отношенія нѣмцевъ къ другимъ государствамъ. Если эта идея была особенно культивирована уже во дни желѣзнаго канцлера Бисмарка и воспѣта извѣстнымъ Ницше, то по существу своему она коренится въ природѣ германскаго племени и современна историческому существованію послѣдняго.

Германцы принадлежатъ къ арійской семьѣ народовъ, въ составъ которой входятъ еще, кромѣ нихъ, иранцы, греки, римляне, славяне и кельты. Первые дни существованія арійской семьи, т. е. вопросы о томъ — гдѣ была прародина арійцевъ, или яснѣе—пришли ли германцы и др. арійцы изъ Азіи на европейскую территорію или они были исконными обитателями Европы, если пришли, то когда, каково было культурное состояніе праарійцевъ на ихъ прародинѣ до разселенія ихъ изъ нея—всѣ эти вопросы находятся внѣ поля зрѣнія точной исторической науки; и другія научныя дисциплины—какъ то до-историческая археологія, антропологія, сравнительное языкознаніе и сравнительная миѳологія тоже пока не даютъ неоспоримаго, всѣми признаваемаго рѣшенія означенныхъ вопросовъ. Что же касается зари и разсвѣта *исторической* жизни германцевъ, то здѣсь судьбы послѣднихъ тѣсно

переплетаются съ судьбами римскихъ—республики и имперіи, потому что древній германецъ, живя въ средней Европѣ, рядомъ съ римской границей, представлявшейся р. Рейномъ, съ завистью посматривалъ на римское могущество и нерѣдко безпокоилъ Римлянъ. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что римскій консулъ Марцеллъ еще въ 223 г. до Р. Х. одержалъ побѣду надъ германцами [1]). Вотъ почему и свѣдѣнія о первыхъ дняхъ исторической жизни германцевъ мы имѣемъ въ сочиненіяхъ римскихъ писателей Юлія Цезаря и Тацита.

На основаніи показаній означенныхъ писателей нужно думать, что древній германецъ занимался по преимуществу охотой и войной, что онъ былъ какъ бы воиномъ по существу, по самой своей природѣ. Его менѣе всего интересовала мысль о томъ, чтобы подыскать свободное мѣсто на землѣ, какихъ было тогда много, поселиться на этомъ мѣстѣ, никому не мѣшая изъ сосѣдей, и самому заняться мирнымъ земледѣльческимъ трудомъ. Въ силу своей психики, воспринятой какъ бы съ молокомъ матери, германцы болѣе просто рѣшали жизненно-практическую задачу: они всегда стремились къ завоеваніямъ осѣдлыхъ земледѣльческихъ народовъ, чтобы воспользоваться готовыми плодами ихъ, быть можетъ, многовѣкового труда. Цезарь, наприм., дѣйствительно, и говорилъ про германцевъ, что они „agriculturae non student",—т. е. о воздѣлываніи полей не заботятся. Чрезъ полтора вѣка послѣ Цезаря Тацитъ писалъ по этому же вопросу: „самые здоровые и *воинственнѣйшіе* изъ нихъ, не зная никакого труда, предоставляютъ заботы о семействѣ и поляхъ женщинамъ, старикамъ и слабѣйшимъ, а сами коснѣютъ въ бездѣйствіи". „Странное противорѣчіе природы", замѣчаетъ Тацитъ по поводу поразившаго его этого наблюденія, „тѣ же самые люди, которые такъ любятъ лѣнь, въ то же время ненавидятъ по-

---

[1]) Это подтверждается одной мраморной дощечкой, найденной въ 1574 году и содержащей въ себѣ надпись о побѣдѣ Марцелла. „Германцы, ихъ бытъ и союзы" А. Спасскаго, см. „Богослов. Вѣстн." 1910 г., мартъ. стр. 361.

кой". Для подтвержденія воинственнаго настроенія, какъ характерной особенности древнихъ германцевъ, могутъ быть небезъинтересны, на нашъ взглядъ, и наименованія нѣкоторыхъ крупныхъ союзовъ, образовавшихся изъ соединенія мелкихъ народностей германскаго племени. Вотъ, напримѣръ, могущественнѣйшая федерація Франковъ или подобная же федерація Саксовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, наименованія этихъ союзовъ произошли: перваго—отъ слова franc, „обозначавшаго употребительное у этихъ племенъ орудіе—метательное копье съ зазубринами, называвшееся также франкисской или франкой", второго—отъ слова sahs, обозначавшаго орудіе, „имѣвшее видъ остроконечнаго ножа". Больше того, самый терминъ—„germanni", „germannen" означаетъ—люди копья. Этимъ терминомъ первоначально именовалась лишь небольшая дружина Тунгровъ, принадлежавшая къ германскому корню и употреблявшая въ качествѣ вооруженія по преимуществу копье. Изъ всѣхъ германскихъ народностей Римляне столкнулись прежде всего именно съ Тунграми и племенное названіе послѣднихъ они нашли цѣлесообразнымъ усвоить съ теченіемъ времени всей совокупности народностей германскаго корня [1]). Думается, что отмѣченныя племенныя названія, дѣйствительно, могутъ говорить за особенно воинственный характеръ древнихъ германцевъ; вѣдь вполнѣ естественно народамъ, особенно на нѣкоторыхъ стадіяхъ ихъ культурнаго развитія, обозначать самихъ себя или сосѣдей, примѣняясь къ наиболѣе яркимъ, господствующимъ отличительнымъ особенностямъ или своего или чужого быта и характера. Итакъ, древніе германцы были народъ воинственный по преимуществу, что особенно ярко сказалось въ давно-прошедшія времена хотя бы на слѣдующемъ капитальномъ историческомъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 361, 364, 375, 376. Въ дѣйствительности же народъ германскаго корня дѣлился на множество болѣе или менѣе мелкихъ племенъ, каждое изъ которыхъ имѣло свое особое наименованіе—напримѣръ: убіи, маттіаки, батавы, хатты, узипеты, бруктеры, марсы, фризы, маркоманны, квады, кимвры...

фактѣ: германцы очень посодѣйствовали паденію Западной Римской имперіи, а на ея бывшей территоріи, не исключая и Африканской ея провинціи, въ теченіе V-го столѣтія, основали рядъ своихъ королевствъ—бургундское, вестготское, вандальское, семь англо-саксонскихъ, франкское и остготское. V-й в. и начало VI-го были временемъ самаго широкаго распространенія германскихъ племенъ по Европѣ. Въ эту же, очевидно, эпоху Германцы стали *прочными* сосѣдями и Славянъ; но съ несомнѣнностью можно утверждать, что Германцы и Славяне и раньше встрѣчались между собой и даже вступали иногда въ болѣе или менѣе острыя столкновенія. Въ послѣдующее время территорія германскихъ народовъ начинаетъ постепенно суживаться, а исторія ихъ переходитъ въ исторію обособленныхъ союзовъ или государствъ.

Въ настоящее время германскому племени, если принять этотъ терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, принадлежатъ, кромѣ центральной Европы отъ Нѣмецкаго моря до Альпъ, еще Голландія, Англія (за исключеніемъ Валлиса, Ирландіи и Шотландіи), Данія и Швеція съ Норвегіей. Но, повторяемъ, говоря такъ, мы принимаемъ терминъ—германское племя—въ самомъ широкомъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что въ эпоху отъ великаго переселенія народовъ до нашихъ дней многіе германскіе народы переродились въ новые народные типы—или отъ сліянія съ чуждымъ туземнымъ населеніемъ (это случилось, наприм., съ франками въ нынѣшней Франціи), или отъ смѣшенія съ новыми элементами (это произошло, наприм., съ англами и саксами отъ смѣшенія съ кельтическимъ, и тоже уже нечистымъ, элементомъ на территоріи нынѣшней Англіи). Насколько возможно чистый типъ нѣмца сохранился теперь только въ тѣхъ государствахъ, съ которыми воюютъ сейчасъ державы тройственнаго согласія и имъ сочувствующія, т. е. въ Германіи, объединившейся въ 1871 г. изъ многихъ нѣмецкихъ мелкихъ государствъ въ сильную Германскую имперію, и отчасти въ разноплеменной и разновѣрной Австро-Венгріи. Вотъ этотъ то чистый нѣмецъ, занимающій центральную Европу отъ Нѣмецкаго и

Балтійскаго морей до Альпъ, особенно бережно, по сравненію съ другими западно-европейскими народностями, сохранилъ воинственность—наслѣдіе своихъ предковъ. Во все свое послѣдующее существованіе онъ не только хранилъ это наслѣдіе, но и тщательно еще культивировалъ его и донесъ до нашихъ дней. По отзыву извѣстнаго современнаго писателя Мэтерлинка, нѣмецъ нашихъ дней „снялъ предъ нами свою личину и открылъ свое лицо хищнаго звѣря", а ихъ Вильгельмъ „является единственнымъ показателемъ истиннаго характера ихъ натуры, такъ какъ онъ представитель *вѣчныхъ* стремленій ихъ расы, тѣхъ стремленій, которыя лежатъ гораздо глубже, чѣмъ ихъ мнимыя и показныя добродѣтели" [1]).

Исконная аггрессивная политика нѣмцевъ, характерная, говоримъ, для всей ихъ исторіи, сдѣлала изъ нихъ Ассирійцевъ новаго времени, опасныхъ и для культуры, и для національной свободы, и для жизни окружающихъ ихъ народовъ. Эта опасность особенно усилилась со времени послѣдней Франко-Прусской войны, результаты которой отчасти нарушили политическое равновѣсіе Европы, установленное Вѣнскимъ конгрессомъ послѣ Наполеоновскаго погрома. Нѣмцы, окрыленные побѣдоносньмъ исходомъ войны, одушевляясь широкими идеями воинствующаго пангерманизма и желая обезпечить успѣхъ своей дальнѣйшей аггрессивной политики, стали всячески развивать систему своихъ вооруженій. Естественно, что и другія государства, по чувству самосохраненія, не могли, глядя на нѣмцевъ, сидѣть сложа руки; они тоже стали увеличивать свои военныя силы. Все это привело къ, такъ называемому, „вооруженному миру" съ его милитаризмомъ, который вполнѣ можно сравнить съ злокачественной опухолью, высасывающей здоровые соки изъ организма, или препятствующей нормальному развитію послѣдняго. Правда, милитаризмъ, какъ приспособленіе громаднаго большинства функцій государства въ военное и особенно въ

---

[1]) „Русское Слово"—„Мэтерлинкъ о войнѣ". № 211, 1914 г.

мирное время къ цѣлямъ обороны или достиженія военнаго преобладанія надъ сосѣдями, становится характерной чертой политическаго быта тѣхъ или другихъ народовъ со времени введенія въ этотъ бытъ постоянныхъ армій и обязательной воинской повинности; правда и то, что милитаризмъ усилился еще въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ; все же особенно быстрое развитіе этой отрицательной стороны новѣйшей государственности стало наблюдаться, повторяемъ, лишь послѣ 1871 г. и подъ вліяніемъ именно угрожающей позиціи, занятой Германіей въ отношеніи къ другимъ государствамъ. Насколько милитаризмъ послѣднихъ 40 лѣтъ, дѣйствительно, убійственен̃ъ для современной культуры—это можно видѣть хотя бы изъ того, что даже въ мирное время громадная часть государственныхъ доходовъ европейскихъ державъ идетъ на содержаніе военныхъ силъ, тогда какъ, при отсутствіи милитаризма, эта часть бюджета могла бы быть использована на, такъ называемую, соціальную политику, т. е. на культурныя потребности населенія—на народное образованіе, на попеченіе о народномъ здравіи, на пути и средства сообщенія, на развитіе промышленности и т. д. Насколько быстро растетъ этотъ злокачественный наростъ на европейской культурѣ, можно яснѣе видѣть изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ. Въ 1870 году на вооруженія европейскихъ державъ израсходовано 2,3 милліарда марокъ—сумма, считавшаяся тогда огромной; въ 1883 г.—3 милліарда, въ 1893 г.—3,7 милліарда, въ 1903 г.—6 милліардовъ, а въ послѣдніе годы расходуется ежегодно уже около 10 милліардовъ. Но въ эти цыфры, взятыя изъ росписей военнаго бюджета, не входятъ еще тѣ издержки, которыя лишь косвенно связаны съ военными приготовленіями, и которыя отмѣчаются въ другихъ статьяхъ бюджета. Суммируя же всѣ расходы, такъ или иначе связанные съ военными предпріятіями, нужно сказать, что „вооруженный миръ“ обходится Европѣ въ послѣднее время приблизительно отъ 20 до 30 милліардовъ марокъ ежегодно. На эту сумму, по вычисленіямъ нѣмецкихъ изслѣдователей Пфейфера и Рено, Европа ежегодно могла бы вести хоро-

шую войну въ продолженіе 3—4 мѣсяцевъ [1]). Если милитаризмъ и дальше будетъ расти въ такой же угрожающей пропорціи, то „вооруженный миръ“ будетъ стоить Европѣ почти столько же, сколько и война. Вотъ какъ милитаризмъ ужасно поѣдаетъ здоровые соки народныхъ организмовъ! Не говоримъ уже о томъ, что милитаризмъ, вынуждая государства постоянно готовиться къ войнѣ и увеличивая классъ людей, въ ней заинтересованныхъ, неминуемо усиливаетъ возможность и вѣроятность вооруженнаго столкновенія, и безъ того очень достаточныя въ настоящее время при чрезвычайной сложности и сравнительной общности культурно-экономическихъ интересовъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Громадный вредъ милитаризма для современной культуры будетъ для насъ еще болѣе очевиднымъ, если мы сопоставимъ такое наблюденіе: процвѣтаніе экономической культуры въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ находится въ прямой зависимости отъ отсутствія здѣсь милитаризма; Сѣверная Америка содержитъ въ мирное время всего лишь немного десятковъ тысячъ войска. Стѣсненныя въ своей культурной производительности, вслѣдствіе продиктованнаго нѣмцами милитаризма, европейскія державы, конечно, не могутъ быть покойны и за необходимое политическое равновѣсіе Европы, за свою безопасность и національную независимость, потому что ихъ сознаніе всегда, какъ Дамокловъ мечъ, давитъ мысль о сильно вооруженной Германіи, съ ея стремленіемъ къ гегемоніи на сушѣ и морѣ, съ ея аггрессивными, пангерманскими аппетитами, напоминающими, по ихъ существу и выполненію, нечестивые замыслы древнихъ Ассиріянъ.

Еропейскіе Кабинеты пытались упразднить прусскій милитаризмъ и вызванный имъ европейскій „вооруженный миръ“ путемъ мирнаго взаимнаго соглашенія, а именно— черезъ уменьшеніе до предѣльной нормы вооруженныхъ силъ своихъ государствъ и черезъ созданіе способа мир-

---

1) П. Н. Милюковъ: „Вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій“, П. Б. 1911 г., стр. 31—32.

наго третейскаго разбирательства международныхъ конфликтовъ. Для выясненія этихъ вопросовъ, по почину нашего Государя Императора, какъ извѣстно, дважды собиралась международная Гаагская конференція, и въ обоихъ случаяхъ это культурнѣйшее начинаніе послѣдняго времени разбивалось, главнымъ образомъ, объ упорство нѣмцевъ. Представители Германіи вели себя на конференціяхъ очень странно, если не сказать, иронически по отношенію къ безпочвеннымъ, съ точки зрѣнія нѣмцевъ, затѣямъ европейскихъ державъ. Такъ, напримѣръ, на первой конференціи представителями Вильгельма были проф. Штенгель и графъ Мюнстеръ, политическое credo которыхъ, подсказанное въ значительной степени, конечно, самимъ германскимъ Императоромъ, было таково: проф. Штенгель, передъ самымъ открытіемъ конференціи, издалъ брошюру—„Der ewige Friede“, гдѣ доказывалъ необходимость, важность и даже святость войны, осмѣивалъ идею „вѣчнаго мира“, а проэктированный конференціей международный трибуналъ для третейскаго разбирательства международныхъ осложненій признавалъ нарушеніемъ суверенитета отдѣльныхъ государствъ; что же касается графа Мюнстера, то его „здравый смыслъ“, которымъ, по отзыву Вильгельма, онъ былъ „обильно одаренъ“, долженъ былъ служить отрезвляющимъ коррективомъ къ безпочвеннымъ мечтаніямъ идеалистовъ-теоретиковъ, съѣхавшихся на конференцію. Такъ же отрицательно Германія, въ лицѣ ея представителя барона Маршалль фонъ-Биберштейна, отнеслась къ мирнымъ задачамъ и второй конференціи въ Гаагѣ [1]). Наконецъ, нашъ Государь Императоръ,

[1]) Цитиров. соч. Милюкова, стр. 111—112, 122, 124. Какими неожиданными сюрпризами даритъ насъ иногда жизнь! Участники второй Гаагской конференціи, при взаимномъ прощаніи, выразили желаніе собраться на третій съѣздъ по вопросамъ международнаго мира въ 1915 г. И вотъ современный кровавый пожаръ является какъ-бы преддверіемъ предположенной мирной конференціи! Какъ ни тяжелъ этотъ контрастъ, ничего добраго, повидимому, не обѣщающій движенію пацифизма, все же дай Богъ, чтобы скорѣе окончилась современная ужасная война и чтобы идеи пацифистовъ все-таки восторжествовали въ 1915 г.

совмѣстно съ Англіей, и предъ текущей войной настойчиво убѣждалъ европейскіе Дворы уладить Австро-Сербскій конфликтъ безъ пролитія крови, путемъ лишь созыва мирной конференціи. Германія и на этотъ разъ отвергла миролюбивое предложеніе нашего Государя, о чемъ наше правительство и было поставлено въ извѣстность телеграммой отъ 14 іюля сего года. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ иного отношенія, конечно, и трудно было ожидать отъ нѣмцевъ, доселѣ вдохновляющихся въ своей аггрессивной политикѣ—и образомъ Бисмарка, сказавшаго въ свое время, что „великіе вопросы эпохи разрѣшаются не рѣчами и не голосованіемъ большинства, но желѣзомъ и кровью",—и образомъ знаменитаго стратега Мольтке, признававшаго идею мира „сномъ, и притомъ совсѣмъ не прекраснымъ" [1]). Приведенная справка изъ исторіи пацифист-

---

[1]) Насколько упорно нѣмцы сторонятся отъ мирнаго третейскаго разбирательства вообще какихъ бы то ни было международныхъ осложненій—показываетъ слѣдующій фактъ послѣднихъ дней. Уже въ періодъ развертывающихся военныхъ дѣйствій—19-го сентября статсъ-секретарь Соединенныхъ Штатовъ г. Брайанъ и нашъ посолъ въ Вашингтонѣ подписали конвенцію о третейскомъ разбирательствѣ всякихъ возможныхъ недоразумѣній между Россіей и Америкой, хотя бы эти недоразумѣнія затрогивали честь и жизненные интересы договаривающихся сторонъ. Въ заключенной конвенціи содержится, такимъ образомъ, гарантія какъ бы вѣчнаго мира между нашимъ государствомъ и Америкой. Съ подобнымъ же предложеніемъ г. Брайанъ обратился къ Берлинскому и Вѣнскому Кабинетамъ; но они остались вѣрны себѣ и отклонили предложеніе Америки. Совершенно справедливо „Русское Слово" говоритъ по поводу этого: „Великій американскій народъ теперь нагляднымъ образомъ убѣдился въ искренности заигрываній нѣмцевъ, наивно мечтающихъ купить грубой лестью поддержку заантлантической республики. Своимъ отказомъ обѣ германскія державы предъ всѣмъ міромъ торжественно заявили, что для нихъ дороже всего возможность воевать, не разбирая, съ кѣмъ именно. Германія и ея союзница ничѣмъ не рисковали, заключая съ Америкой подобный договоръ. Борьба съ могущественной республикой, все равно, была бы не подъ силу императору Вильгельму. Очевидно, нѣмцы питаютъ органическое отвращеніе къ третейскимъ судамъ. Война ради войны". 1914 г. № 218.

скаго движенія въ Европѣ говоритъ за то, что у европейскихъ Кабинетовъ не оставалось больше надежды на мирное упраздненіе тягостнаго для культуры „вооруженнаго мира“ и вызвавшаго его прусскаго милитаризма.

Слѣдовательно, коренящаяся въ психикѣ германцевъ ихъ наклонность ко всецѣлому порабощенію окружающихъ народовъ, выросшій на этой почвѣ ужасный милитаризмъ, подтачивающій современную культуру и угрожающій всей Европѣ нѣмецкимъ засильемъ, нежеланіе нѣмцевъ идти на встрѣчу мирнымъ предложеніямъ европейскихъ Кабинетовъ—вотъ та общая точка, которая объединила державы тройственнаго согласія и сочувствующія имъ, и которая заставила всѣ эти государства съ исключительной энергіей опрокинуться на Германію и на дѣйствующую по ея указкѣ Австро-Венгрію. Прогнать постоянно угрожающую миру Европы тѣнь воинствующаго пангерманизма, создать, вслѣдствіе этого, благопріятныя условія для самобытнаго развитія народностей и государствъ европейскаго континента, снять тяжелыя милитаристическія путы, наложенныя на современную культурную производительность—таковъ общій девизъ, начертанный на знамени военной коалиціи, возглавляемой державами тройственнаго согласія. Означенные мотивы разгорѣвшейся европейской войны довольно ярко формулируетъ одинъ изъ нашихъ талантливыхъ публицистовъ; въ одной изъ своихъ очередныхъ замѣтокъ онъ говоритъ: „Чудовищный нарывъ милитаризма въ сердцѣ Европы, считающемся сердцемъ человѣчества, долженъ быть, наконецъ, вскрытъ. Этотъ нарывъ цѣлое сорокалѣтіе мучитъ нашъ прекрасный материкъ и заставляетъ лихорадить все человѣчество. Благодаря горделивому психозу, обуявшему Германію, цивилизація очутилась въ опасности. Дошло до того, что половина всѣхъ средствъ народныхъ стала уходить на вооруженіе, и при совершенно ясномъ небѣ каждую минуту всѣ вынуждены ждать сокрушительнаго грома. Уже одно это ожиданіе, томительное и истощающее нервы, слагалось въ мученіе слишкомъ унизительное и нестерпимое. Не соотвѣтствуетъ достоинству благород-

ныхъ расъ жить въ опасеніи вѣчнаго, нависшаго надъ ними меча. Пора было положить этому конецъ. Нелѣпый до болѣзненности ростъ германскихъ вооруженій угрожалъ прежде всего Англіи, но и Франція читала въ немъ, буква за буквой, свой смертный приговоръ... И Россія, вслѣдъ за Англіей и Франціей, не можетъ болѣе глядѣть на германское могущество иначе, какъ на смертельную для себя угрозу. Нынѣ часъ Суда Божія насталъ. Мирные европейскіе народы вынуждены поставить для себя вопросъ о жизни и о смерти. Во Франціи совершенно вѣрно называютъ нынѣшнюю войну востаніемъ Европы противъ тиранніи нѣмцевъ. И маленькимъ, и великимъ державамъ необходимо выбросить изъ своей семьи угнетающую заразу. Тѣ члены цивилизованной группы народовъ, которые не цѣнятъ блага мира и непрерывно нарушаютъ спокойствіе на землѣ, должны быть укрощены, приведены въ безвредное состояніе... Если нынѣшнее могущество Германіи покоится на кошмарныхъ по размѣру вооруженіяхъ, то въ будущемъ ей придется подыскать иной источникъ своей гордости. Народъ, развившій еще въ средніе вѣка богатую промышленность на Рейнѣ и блестящее мореплаваніе Ганзейскаго союза, найдетъ достаточный просторъ для своей энергіи въ мирномъ трудѣ. Бряцаніе нѣмецкой сабли надоѣло и сосѣдямъ, и значительной части самихъ нѣмцевъ. Отчего народу, давшему столькихъ мыслителей, ученыхъ и поэтовъ, не вернуться къ своему мирному подвигу, подвигу культуры" [1]).

Но у Россіи были и есть, кромѣ отмѣченныхъ, и свои собственныя вѣскія причины, чтобы принять горячее участіе въ борьбѣ противъ Германцевъ. Если вся почти Европа сражается сейчасъ противъ нѣмецкаго милитаризма за общій европейскій миръ и за извѣстное политическое равновѣсіе, то Русь бьется еще противъ стремленія нѣмцевъ поработить себѣ Славянскій міръ, бьется за самобытное развитіе Славянства вообще и, въ частности, Русской Имперіи. Споръ германцевъ и славянъ на такой

---

[1]) „Новое Время" № 13782—изъ статьи М. Меньшикова.

почвѣ наблюдается въ міровой исторіи не со вчерашняго дня. Для выясненія этой послѣдней мысли сдѣлаемъ небольшой экскурсъ сначала въ давно-прошедшую исторію славянскихъ племенъ, разселившихся по европейской территоріи.

Славяне, какъ мы уже говорили, тоже принадлежатъ къ Арійской семьѣ. Родиной всѣхъ славянскихъ народностей въ Европѣ, по новѣйшимъ выводамъ науки, признается территорія, ограничиваемая съ сѣвера Припятью, съ запада Вислой, съ юго-запада Карпатами, съ востока приблизительно Днѣпромъ и Десной, и съ юга степью [1]). Отсюда славяне, въ эпоху, не поддающуюся точному хронологическому вычисленію, постепенно разселились въ сѣверо-восточномъ, юго-западномъ и сѣверо-западномъ направленіяхъ. Первая группа славянъ въ соединеніи съ другими не-славянскими народностями вошла потомъ въ составъ Русскаго Государства; изъ второй группы образовались, главнымъ образомъ, государства славянъ Балканскаго полуострова [2]); наконецъ, третья группа постепенно размѣстилась въ бассейнѣ рѣкъ Эльбы, Одера, Вислы и отчасти Дуная, причемъ на сѣверѣ естественной границей племенъ этой группы было Балтійское море, а на югѣ—Адріатическое море и Балканскій полуостровъ.

Выходцы изъ Прикарпатской области на сѣверо-западъ, въ свою очередь, разслоились здѣсь при разселеніи на слѣдующія группы: по Балтійскому поморью жили 1) *Поморскіе* славяне (Поморяне), 2) на западъ отъ нихъ между Лабой, Одрой и Балтійскимъ моремъ *Полабскіе* славяне, составлявшіе двѣ крупныя этнографическія группы—Бодричей или аботритовъ (къ нимъ принадлежали—вагры, полабцы, смолинцы, глиняне, вѣтники, враповцы и дре-

---

[1]) „Древне-Церковно-Словянскій Языкъ" проф. С. М. Кульбакина, стр. 2. Харьковъ 1913 г.

[2]) По существующей классификаціи къ юго-западной группѣ относятъ еще Хорватовъ и Словинцевъ, но мы, ради удобства разсмотрѣнія поставленнаго вопроса, только условно включили ихъ, какъ будетъ видно ниже, въ группу сѣверо-западныхъ славянскихъ племенъ.

вяне) и Лютичей или велетовъ (къ нимъ принадлежали— рапы, волинцы, чрежпѣняне, хижане, доленцы, ратари, укране, рѣчане, стодоряне (или говоляне), брезане, спреване, морочане, междурѣчане, моричане, грозвиняне, ситняне, дошане, лекусицы, сенчицы, плоняне), 3) къ югу отъ полабскихъ славянъ—*Лужицкіе сербы*, въ составъ которыхъ входили сербы, мильчане, лужичане и другіе народцы, 4) далѣе къ югу *Чехо-моравы*, 5) еще южнѣе *Хорутане* или *Словинцы*; къ востоку отъ всѣхъ перечисленныхъ народностей осѣлись въ направленіи съ сѣвера на югъ—6) *Поляки*, 7) *Хорваты* и 8) *Словаки*. Такую группировку сѣверо-западныхъ славянъ мы застаемъ въ IX вѣкѣ; но изъ показаній историковъ Іордана и Прокопія можно заключать, что отмѣченная часть европейской территоріи— отъ Балтійскаго моря на сѣверѣ и до Балканскаго полуострова на югѣ еще въ VI вѣкѣ была заселена славянами же [1]). Всѣ эти славянскія племена сѣверо-западной группы, расположившіяся въ бассейнѣ вышеотмѣченныхъ рѣкъ, жили на зарѣ своей исторіи болѣе или менѣе самостоятельной жизнью и, какъ народъ по своей природѣ не воинственный, даже неспособный въ то время къ энергичной защитѣ своихъ интересовъ, особенно при безцеремонномъ натискѣ тѣхъ или другихъ ловкихъ сосѣдей, какъ народъ склонный къ осѣдлой земледѣльческой культурѣ, стремились крѣпче привязаться къ тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ они осѣли [2]); нѣкоторыя изъ перечисленныхъ пле-

---

[1]) „О славянахъ и ихъ сосѣдяхъ въ древнѣйшее время". М. В. Бречкевичъ, Казань, 1913 годъ, стр. 3.

[2]) Проф. М. В. Бречкевичъ такъ характеризуетъ древнихъ Славянъ: „Въ общемъ, Славяне, поскольку по разнымъ поводамъ обнаружили древнѣйшіе источники, оказались съ такими качествами, которыя не внушали сосѣдямъ большихъ заботъ или безпокойства: отсутствіе общихъ плановъ съ посягательствомъ на чужія владѣнія, отсутствіе сплоченности и внутренняго порядка, наклонность къ уступкамъ. Славяне, которымъ лишь въ самой незначительной степени присуща была практичность, способность къ настойчивому отстаиванію своихъ интересовъ, послѣдовательность, единство и порядокъ, много теряли при столкновеніяхъ съ своими болѣе практич-

менъ—какъ чехи, поляки, хорваты имѣли нѣкогда даже свои національныя государства. Но близкое сосѣдство воинственнаго, падкаго на чужое добро германца, жившаго здѣсь же недалеко—за лѣвымъ берегомъ Эльбы и далѣе на югъ и на юго-западъ, постоянно угрожало славянской самобытности. Много превращеній испытали на себѣ славянскія племена сѣверо-западной группы съ начала эпохи ихъ разселенія и до нашихъ дней; подробная исторія этихъ превращеній не входитъ въ нашу настоящую задачу, отмѣтимъ лишь поразительный, современный намъ, результатъ этихъ превращеній. Теперь всѣ славянскія племена сѣверо-западной группы въ значительнѣйшей своей части входятъ въ составъ или германской или австрійской имперій и находятся, конечно, въ полной власти у нѣмецкаго правительства; нѣмцы, такъ сказать, инкорпорировали прежнія славянскія территоріи и ихъ обитателей въ сферу своихъ владѣній. Этотъ процессъ коснулся отчасти и восточной группы славянъ—разумѣемъ образовавшееся въ области древнихъ уличей и тиверцевъ галицко-русское княжество съ его древними городами Галичемъ и Львовомъ, обнимавшее въ XIII вѣкѣ всю западную Русь отъ Закарпатья до Днѣпра; галицкое княжество, представляющее, такимъ образомъ, исконно-русскую землю, часть древней Кіевской Руси, пережило въ удѣльный періодъ нашей исторіи славные вѣка самостоятельной жизни и, подъ начальствомъ добрыхъ и славныхъ князей Галицкихъ, имѣло важное стратегическое значеніе для Русскаго Государства, какъ это видно изъ „Слова о Полку Игоревѣ“. Авторъ слова, обращаясь къ галицкому князю Ярославу Владиміровичу († 1187), говоритъ: „Галицкій Осмомысле Ярославе! Ты высоко сидишь на своемъ злато-

---

ными и болѣе безцеремонными сосѣдями. Не переставали они проигрывать и во все послѣдующее время, такъ какъ въ борьбѣ за существованіе постоянно брали верхъ племена съ болѣе развитымъ практическимъ смысломъ, съ болѣе послѣдовательными и настойчивыми эгоистическими стремленіями, хотя бы и грубыми, и съ большею способностью къ организаціи“—„О славянахъ и ихъ сосѣдяхъ въ древнѣйшее время“ Казань, 1913 г. стр 14.

кованномъ столѣ; подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю (венгерскому): затворилъ ворота Дунаю; ты отворяешь ворота Кіеву и стрѣляешь съ отцовскаго золотого стола въ дальнихъ салтановъ (половецкихъ)“. Потомъ славное галицкое княжество, „испытавъ различные судебъ удары“, въ XVIII и XIX вѣкахъ окончательно вошло въ составъ австрійской монархіи.

Въ настоящее время Австро-Венгрію, съ точки зрѣнія этнографическаго состава ея населенія, можно назвать на половину славянской державой: славяне, раздѣляющіеся здѣсь на сѣверныхъ и южныхъ, представляются въ двуединой монархіи 48% всего имперскаго населенія; къ сѣвернымъ славянамъ, населяющимъ Австрію, принадлежатъ чехи, поляки, русскіе и словаки; къ южнымъ—живущимъ въ Венгріи—словенцы, сербы и кроаты или хорваты, причемъ сѣверные славяне, населяющіе Австрію, по своей численности превосходятъ южныхъ почти въ три раза [1]). Въ Германіи славянъ гораздо

---

[1]) Болѣе подробная схема разселенія славянъ на Австро-Венгерской территоріи такова: „Чехи живутъ въ предѣлахъ Мораво-Богемскаго раіона, составляя преобладающее населеніе Богеміи (62, 7%) и Моравіи (71, 4%). Въ Силезіи ихъ 22%. Словаки живутъ восточнѣе и южнѣе чеховъ, именно въ с. части В., составляя въ уѣздахъ по лѣвому берегу Дуная до 62,3% населенія и на правомъ берегу Тиссы до 30%. Поляки живутъ въ Галиціи, Силезіи и Буковинѣ, при чемъ въ 1-й изъ этихъ областей % ихъ доходитъ до 54, а во 2-й 33. Естественнымъ рубежомъ, раздѣляющимъ ихъ отъ русскихъ, является р. Санъ (до Ярослава) и условная линія до верховьевъ р. Поправа (въ Карпатахъ). Къ западу отъ этой линіи населеніе З. Галиціи почти сплошь польское, именно 90—95%, достигающее у Кракова 100%. Русскіе живутъ въ Галиціи и Буковинѣ, гдѣ они составляютъ болѣе 2/5 всего населенія (42,3 и 41, 2%), а также небольшой % ихъ въ с.-в. углу В. (8—14%). Группируясь къ в. отъ р. Сана, т. е. въ В. Галиціи и въ С. Буковинѣ, русскіе живутъ также и по ю. сторону Карпатъ, достигая верхняго теченія р. Тиссы, составляя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ В. до 40% (въ окрестностяхъ г. Марамороша-Сигета). Русскіе, населяющіе А.-В., принадлежатъ къ малороссійскому племени и носятъ въ А. названіе руссинъ или рутеновъ. Незначительное количество раскольниковъ—великоруссовъ, называе-

меньше. Здѣсь, при 93% коренного нѣмецкаго населенія, $5 \frac{1}{2}$% приходится на долю поляковъ и остальные $1 \frac{1}{2}$ % на долю другихъ живущихъ на германской территоріи народностей, въ числѣ которыхъ мы видимъ и слявянъ— какъ то кашубы, венды, моравы и чехи [1]). Но сравнительно небольшое %-ное отношеніе славянъ ко всему населенію Германской Имперіи объясняется не малымъ количествомъ земель, отвоеванныхъ нѣмцами у славянъ, а, какъ увидимъ ниже, особенностями отношеній Германцевъ къ побѣждаемымъ ими народамъ.

Доказательства отмѣченной въ предшествующемъ изложеніи аггрессивной издавней политики нѣмцевъ въ отношеніи славянства можно видѣть на нѣкоторыхъ изданіяхъ даже современныхъ географическихъ картъ Австро-Германской территоріи. Здѣсь, наряду съ новѣйшими нѣмецкими названіями рѣкъ, городовъ, мѣстечекъ или урочищъ на завоеванной нѣмцами славянской территоріи, не считая исконнаго Русскаго Галицкаго княжества, отмѣчены и прежнія славянскія названія: вотъ, напримѣръ, рѣка Эльба—ея славянское названіе Лаба, рѣка Одеръ—слав. Одра; городъ Кольбергъ на берегу Балтійскаго моря—слав. Голобрегъ (очевидно, названіемъ дается указаніе на береговое положеніе города), Альтенбургъ—слав. Старградъ, Бранденбургъ—слав. Бранибор (т. е. лѣсъ брани, войны; возможно, что именно около этого мѣста бывали ожесточенныя схватки славянъ съ насѣдавшими на нихъ въ старину германцами). Назовемъ, кстати, мѣста и въ восточной Пруссіи, уже прославленныя подвигами нашихъ храбрыхъ воиновъ: вотъ Столюпененъ—это бывшая вотчина древняго русскаго дво-

---

мыхъ липованами, живетъ въ С. Буковинѣ, близь с. Бѣлой Криницы. Сербо-кроаты заселяютъ почти сплошь Боснію и Герцеговину, а также Кроацію-Славонію и Далмацію. Нѣкоторое количество (20%) населяетъ Прибрежье. Словенцы населяютъ ю.—з. уголъ А. почти сплошь Крайну (94, 2%), южныя, примыкающія къ ней, части Штиріи и Каринтіи (31 и 25%), а также Прибрежье (30%)". „Австро-Венгрія"—„изъ военной энциклопедіи" М. 1914 г., стр. 6, изд. Сытина.

1) „Германія"—„Изъ военной энциклопедіи" М. 1914 г., стр. 7.

рянскаго рода Столыпиныхъ—Столыпино, пожалованное послѣднимъ за ихъ услуги при взятіи Берлина въ Семилѣтнюю войну; вотъ Гумбиненъ - старинный славянскій старо-польскій городъ Гомбинъ, — по русски Губинъ; вотъ города: Гольдапъ—старо-польскій Голомбъ, по русски — Голубь; Арисъ — старо-польскій Оришъ; Вилленбергъ — старо - славянскій Вельборъ; Остерроде — старославянскій Острогъ; Инстербургъ—старо-слав. Выстругъ, отъ славянскаго корня стругать. Вотъ, наконецъ, Кенигсбергъ, съ которымъ, можетъ быть, придется серьезно считаться нашей славной арміи; этотъ городъ, какъ славянская колонія, былъ построенъ на Балтійскомъ морѣ еще въ 1270 году чешскимъ королемъ Премысломъ II-мъ въ эпоху расцвѣта чешской государственной силы; и древнее славянское названіе этого города—Крулевецъ т. е. Королевецъ, вѣроятно, дано городу въ ознаменованіе происхожденія его по волѣ короля.

Конечно, завоеваніе само по себѣ еще не такъ страшно, если оно ограничивается политическимъ подчиненіемъ народности какой либо новой власти, если эта послѣдняя, какъ побѣдительница, гуманно относится къ побѣжденнымъ и не налагаетъ своей мертвящей руки на ихъ нравственную личность, на ихъ душу. Исторія знаетъ даже примѣры, какъ тѣ или другія этнографическія единицы, изыскивая лучшія условія жизни, добровольно уходили изъ подъ опеки одной власти и отдавали себя попеченію другой. Отсюда весь вопросъ заключается не столько въ фактѣ завоеванія, сколько въ характерѣ властвованія. Съ этой то стороны нѣмцы, какъ завоеватели, и страшны для покоряемыхъ ими народовъ. Они повторяютъ древнихъ Ассирійцевъ не только по широтѣ розмаха ихъ завоевательныхъ плановъ, но и по своему безчеловѣчному отношенію къ побѣжденнымъ. Ради подтвержденія этой мысли возьмемъ для образчика надпись, сохранившуюся отъ времени ассирійскаго царя Ассурназирпала (885—860 гг.),— надпись, въ которой царь желаетъ увѣковѣчить свои подвиги при расправѣ съ побѣжденными имъ народами: „Я убивалъ“, говорится въ надписи, „одного изъ двухъ, я по-

строилъ стѣну предъ великими воротами города и покрылъ ее кожею, которую содрали по моему приказанію съ предводителей возстанія. Нѣкоторые были заложены живыми въ стѣну, иные были распяты или посажены на колъ вдоль стѣны. Я приказалъ въ моемъ присутствіи содрать кожу съ большого количества людей и покрыть ею стѣны. Я приказалъ многихъ обезглавить и сложить головы ихъ въ видѣ короны, а разрѣзанные трупы въ видѣ гирлянды“ [1]). Вообще—содрать кожу съ живыхъ враговъ, вырѣзать языкъ у живого человѣка, отрѣзать послѣднему носъ, уши, руки, выколоть глаза, сжечь городъ съ мирными жителями—все это было обычнымъ явленіемъ для ассирійскихъ завоевателей. Теперь сопоставьте съ этой картиной тѣ леденящія душу извѣстія о нѣмецкихъ звѣрствахъ надъ беззащитнымъ противникомъ, которыми пеститъ современная ежедневная пресса. Беремъ нѣкоторыя изъ подобныхъ многочисленнѣйшихъ сообщеній: „Нѣмцы не имѣютъ обыкновенія подбирать и перевязывать нашихъ раненыхъ; извѣстны многочисленные случаи подстрѣла нашихъ раненыхъ“. „У поручика Смирнова, попавшаго въ плѣнъ къ нѣмцамъ, они отрѣзали носъ. Когда Смирновъ лежалъ тяжело раненый на полѣ, мимо него проходила нѣмецкая рота. Каждый нѣмецъ считалъ своимъ долгомъ подойти къ Смирнову и ударить его или ногой, или винтовкой. Нѣкоторые въ какомъ то остервенѣніи или оцѣпенѣніи хватали поручика за носъ и трясли, скаля зубы со злобной радостью и шипя: „o russischer Offizier“. Одинъ изъ солдатъ не удовольствовался этимъ и, выхвативъ тесакъ, отрубилъ поручику носъ“. Еще случай: „у рядоваго Хатенкиса, послѣ его кратковременнаго плѣна у нѣмцевъ, оказался вырѣзаннымъ языкъ“ [2]). Еще случай: „одному изъ раненыхъ казаковъ австрійцы „вырѣзали лампасы“, т. е. на обѣихъ ногахъ у казака срѣ-

---

[1]) „Исторія Древняго Востока“. М. С. Корелина. М. 1901 г. стр. 189.

[2]) „Казанскій Телеграфъ“ № 6384.

зали кожу соотвѣтственно лампасамъ" [1]. Добавьте къ этому удивившій міръ разгромъ нѣмцами города Лувена съ его университетомъ [2] и Реймскаго собора—этого знаменитаго памятника готическаго искусства IX в., исторической святыни западной Европы, мѣста коронованія французскихъ королей—и вы убѣдитесь въ основательности параллели между Ассирійцами и Австро-Германцами, какъ завоевателями. Особенно страшна жестокость нѣмцевъ потому, что она есть явленіе не временное, преходящее, а сравнительно устойчивое, неумирающее, поддерживаемое всегда дѣйствующими психическими силами. „Что находимъ мы въ подпочвѣ германизма?"—спрашиваетъ одинъ обозрѣватель современныхъ событій и справедливо отвѣчаетъ: „жесткій эгоизмъ, бездушіе и зоологію". Такія качества нѣмца особенно стали обнаруживаться послѣ Франко-Прусской войны, когда „въ Германіи милитаризировались не только силы матеріальныя, но и духовныя: заковали себя въ доспѣхи и мозгъ и сердце этой страны. Оттого гнусные акты нѣмецкаго вандализма *идейно* оправдываютъ Геккели и Гауптманы" [3]. Если такова исконная подпочва германизма, обусловливающая жестокости нѣмцевъ, то не приходится удивляться существованію и „Kriegsbrauch'а"—этого своеобразнаго катехизиса, обязательнаго для всякаго нѣмецкаго офицера; „Kriegsbrauch", изданный германскимъ генеральнымъ штабомъ еще 9 лѣтъ назадъ, игнорируетъ самую идею „права войны", отрицательно относится ко всѣмъ касающимся этого права нормамъ, выработаннымъ международнымъ соглашеніемъ, признаетъ желательными и даже обязательными тѣ жестокости, тотъ безсмысленный вандализмъ, о которыхъ

---

[1] „Русское Слово" 1914 г. № 207.

[2] Англійскій политическій дѣятель Асквитъ такъ выразился по поводу этого варварскаго поступка нѣмцевъ: „Разгромъ Лувена есть самое страшное преступленіе противъ культуры, противъ цивилизаціи со времени Тридцатилѣтней войны" „Русскія Вѣдомости", 1914 г. № 217.

[3] „Русское Слово" 1914 г. № 209.

повѣствуетъ намъ теперь ежедневная пресса [1]). Если такова исконная подпочва германизма, то не приходится, далѣе, удивляться и тому, что нѣмцы всегда мыслили и мыслятъ о подчиненныхъ имъ славянахъ, какъ о Dünger Volk'ѣ, т. е. какъ о навозной подстилкѣ, долженствующей удобрять поля Европы ради пышнаго расцвѣта германской культуры. Только „Deûtschland, Deûtschland über Alles", только Дейтшляне выше всѣхъ и всего, только для нихъ все и всѣ существуютъ, только предъ ними должны всѣ преклоняться. Такой взглядъ, конечно, всегда исключалъ и исключаетъ хоть сколько нибудь человѣчное отношеніе нѣмцевъ къ подчиненнымъ имъ славянамъ и хотя бы только справедливое признаніе со стороны нѣмцевъ устоевъ и основъ національно-культурнаго быта послѣднихъ. Вотъ почему одни изъ подчинившихся нѣмцамъ славянскихъ племенъ названной нами сѣверо-западной группы почти совсѣмъ уже исчезли съ лица земли; такъ отъ Поморянъ сохранился теперь только маленькій на-

---

[1]) Въ виду отмѣченной яркой параллели между древними Ассирійцами и современными Нѣмцами совершенно справедливо пишетъ англійская газета „Daily News": „Война—всегда ужасная вещь. Но въ настоящей войнѣ есть нѣчто исключительно ужасное. Это—хладнокровное, систематическое опустошеніе Бельгіи націей философовъ и ученыхъ. Бельгія залита кровью не изъ гнѣва, не изъ мести, даже не изъ жестокости. Она залита кровью въ угоду принципамъ извѣстной спокойно выработанной *теоріи*. Идолъ изъ крови и желѣза, передъ которымъ преклоняется сейчасъ Германія, исказилъ, извратилъ всѣ удивительныя способности нѣмецкой націи. Онъ сѣетъ по морямъ разрушительные механизмы, не безпокоясь о невинныхъ, которые будутъ ими поражены. Онъ бросаетъ бомбы съ высотъ неба въ спящіе города, на женщинъ и на дѣтей. Онъ сжигаетъ деревни и города, убиваетъ слабыхъ и старцевъ не изъ гнѣва, а во имя извѣстнаго желѣзнаго закона. Сила, сила и сила, жестокая и варварская! Она игнорируетъ всѣ моральныя соображенія, она не знаетъ справедливости и состраданія. Желѣзный идолъ,—онъ возвышается на кровавомъ основаніи. Европа должна его свергнуть, чего бы это ни стоило". „Русскія Вѣдомости" 1914 г. № 217. Относительно давно усвоеннаго нѣмцами культа особенной жестокости и хищничества см. статью Д. Анучина: „Германія выше всего на свѣтѣ"—„Русскія Вѣдомости" 1914 г. № 228.

родецъ—кашубы (часть его называется словинцами), живущіе въ предѣлахъ Западной Пруссіи и Помераніи; отъ Лужицкихъ сербовъ остался еще болѣе незначительный народецъ—сербы-лужичане, обитающіе въ Саксонской и Прусской Лузаціи; наконецъ, двѣ громадныя группы Полабскихъ славянъ—Бодричи и Лютичи безъ остатка погибли въ борьбѣ съ германцами. Еще въ XII вѣкѣ они потеряли свою политическую самостоятельность, а ихъ земли вошли въ составъ нѣмецкихъ государствъ. „Вслѣдъ затѣмъ, говоритъ проф. Флоринскій, началось послѣдовательное—то мирное, то насильственное истребленіе славянскаго языка и народности въ покоренныхъ областяхъ, при чемъ главнымъ средствомъ къ тому служили нѣмецкая колонизація и распространеніе нѣмецкаго языка. Онѣмеченіе совершалось очень быстро. Въ XV столѣтіи въ главномъ оно уже было закончено, гдѣ раньше, гдѣ позднѣе, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Во II половинѣ XV ст. уже очень рѣдко встрѣчаются славяне между Лабой и Одрой; нѣсколько дольше—до начала XVI ст. держались славянскія поселенія въ области нижней Лабы, въ югозападной части Мекленбурга. Только за Лабой, въ Люнебургѣ, въ землѣ древянъ и глинянъ, какимъ то чудомъ славянская рѣчь сохранялась еще въ XVIII столѣтіи; нѣкоторые старые поселяне изъ этого края, какъ утверждаютъ, знали по славянски еще въ первой четверти XIX столѣтія. Въ настоящее время на территоріи прежнихъ бодричей и лютичей славянская рѣчь совсѣмъ замерла; полабскаго языка уже не существуетъ“ [1]). Такова печальная участь славянскихъ племенъ, захваченныхъ германцами и почти совсѣмъ снесенныхъ съ исторической сцены потокомъ пангерманизма. Нѣсколько иная судьба постигла славянъ, подпавшихъ Австрійской власти. Ихъ поражаетъ не столько смерть физическая, какъ значительную часть ихъ сородичей на германской территоріи, сколько смерть духовная—разумѣемъ настойчивое стремленіе Австрійскаго правительства продѣлать надъ ними тотъ же экспериментъ

1) „Славянское племя“. Кіевъ, 1907 годъ, стр. 6—7.

который былъ такъ удачно испробованъ нѣмцами надъ полабскими славянами, т. е. стремленіе всячески онѣмечить ихъ, лишить ихъ національнаго облика и права на дальнѣйшее культурное развитіе на основѣ самобытныхъ славянскихъ началъ; съ этой точки зрѣнія очень справедливо Австро-Венгрію, въ ея отношеніи къ большинству живущихъ въ ней славянъ, называютъ „тюрьмой славянскихъ народностей". Такая черта нѣмецкой политики въ приложеніи къ славянамъ опять же роднитъ нѣмцевъ съ древними ассиріянами, широко и безцеремонно примѣнявшими практику ассимиляціи населенія въ своей громадной разновѣрной и разноплеменной монархіи. Всѣмъ сказаннымъ о тяжести нѣмецкаго ига достаточно, думаемъ, проясняются тѣ основанія, въ силу которыхъ всегда надо зорко выслѣживать и по возможности предупреждать новые шаги аггрессивной политики нѣмцевъ въ отношеніи къ славянству,—тѣмъ болѣе, что эта политика идетъ все crescendo и crescendo.

Мы подошли къ casus'у belli современной грозной военной эпопеи—разумѣемъ Сараевскую трагедію и вызванныя ею дипломатическія осложненія между Австріей и Сербіей. Австрія ухватилась за убійство эрцгерцога Фердинанда Австрійскаго, какъ за злодѣяніе аки бы инспирированное Сербіей, предъявило къ ней непріемлемый въ виду ея суверенитета ультиматумъ, и когда послѣдній, что и надо было ожидать, былъ отвергнутъ славянскимъ государствомъ, объявило Сербіи войну. Въ оффиціальныхъ документахъ австрійское правительство склонно квалифицировать объявленную имъ войну не болѣе какъ „карательную экспедицію" на Сербскую территорію за инспирированное сербами Сараевское злодѣяніе. Но оффиціальные документы часто не досказываютъ подлинную истину дѣла; ее приходится иногда узнавать—или изъ случайныхъ обмолвокъ правительства, или чаще изъ общественнаго мнѣнія, поскольку оно высказывается чрезъ публичное печатное слово. Къ счастію, по интересующему насъ вопросу мы находимъ ключъ къ разгадкѣ тѣхъ плановъ, которые двинули австрійскую „карательную экспедицію" на сербскую терри-

торію—разумѣемъ обстоятельную (больше четырехъ печатныхъ листовъ) статью австрійскаго военнаго, скрывшагося за псевдонимомъ Ф. Кассандеръ; статья подъ заглавіемъ - „Вооруженія Европы и Австріи" цѣликомъ переведена въ мало распространенномъ Варшавскомъ Журналѣ—„Военное дѣло за границей". Г. Кассандеръ, исходя изъ той вѣрной мысли, что въ настоящее время войны въ Европѣ, при ея высокомъ экономическомъ развитіи, могутъ возникать, главнымъ образомъ—или ради захвата колоній, или ради пріобрѣтенія рынковъ, или вообще изъ за перестройки человѣчества и земного шара въ томъ направленіи, чтобы они могли быть выгодными покупателями европейскихъ товаровъ, исходя, говоримъ, изъ этой мысли и констатируя, съ другой стороны, бѣдственное экономическое положеніе Австро-Венгріи, г. Кассандеръ такъ рисуетъ подлинныя вожделѣнія австрійцевъ въ ихъ конфликтѣ съ Сербіей. „Бѣдственное положеніе Австріи, говоритъ онъ, можетъ быть улучшено только тогда, если мы пріобрѣтемъ Балканы, какъ исключительно намъ принадлежащую колонію для сбыта нашего промышленнаго перепроизводства, вывоза излишка населенія и духовнаго перепроизводства [1])... Если мы возможно скорѣе не обезпечимъ за собой Балканы, то они попадутъ частію въ руки Италіи, вслѣдствіе чего для насъ будетъ закрытъ выходъ въ открытое море, и частью—Россіи, которая грозно охватитъ насъ тогда со всѣхъ сторонъ. Если мы не подчинимъ себѣ славянскія Балканскія государства, то они будутъ постоянно угрожать нашему внутреннему спокойствію, что заставитъ насъ непрерывно принимать дорого-стоющія и все таки безполезныя мѣры противодѣйствія... Балканы мы должны пріобрѣсти. Нѣтъ другого средства, чтобы оставаться впредь великой державой; для насъ дѣло идетъ о существованіи государства, объ избѣ-

---

[1]) Подъ послѣднимъ г. Кассандеръ разумѣетъ массовый излишекъ интеллигентныхъ пролетаріевъ, уже не находящихъ приложенія своимъ силамъ въ соотвѣтствующихъ интеллигентныхъ профессіяхъ и потому составляющихъ тяжелое бремя для страны.

жаніи экономическаго краха, который несомнѣнно повлечетъ за собой распаденіе монархіи. Для насъ дѣло идетъ о томъ—быть или не быть... Мы должны вооружаться, вооружаться до послѣдней кроны, до послѣдняго человѣка... Вооружайтесь для рѣшительнаго боя. Приносите деньги лопатами и шапками, отдавайте послѣдній грошъ, сплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоцѣнные камни на желѣзо. Предоставляйте ваши послѣднія силы на вооруженіе неслыханное, какого еще свѣтъ не видалъ, ибо дѣло идетъ о послѣднемъ рѣшительномъ боѣ великой монархіи. Дайте ружье въ руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь безпрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днемъ и ночью, чтобы быть готовымъ, когда наступитъ день рѣшенія. Иначе дни Австріи сочтены...“ Такое яркое признаніе г. Кассандера—члена австрійской военной корпораціи, обнародованное не задолго *до* убійства эрцгерцога Фердинанда Австрійскаго, съ очевидностью показываетъ, что Сараевская трагедія была лишь поводомъ для Придунайской монархіи приступить къ осуществленію ея затаенныхъ аггрессивныхъ плановъ въ отношеніи къ Балканскимъ славянамъ, что австрійцы, подобно своимъ германскимъ предкамъ, мыслятъ о Балканскихъ славянахъ тоже, какъ о Dünger Volk'ѣ; а такъ какъ австрійскіе нѣмцы дѣйствуютъ по камертону изъ Берлина, то ясно, что и Берлинскій Кабинетъ держится одинаковаго взгляда съ Вѣнскимъ по Балканскому вопросу. Отсюда несомнѣнно, что въ исторіи славяно-германскихъ отношеній выпадъ Австріи въ отношеніи Сербіи является лишь только новымъ и очень грознымъ шагомъ въ стародавнемъ наступательномъ движеніи міра Германскаго на міръ Славянскій, что новая скорбная страница Сербской исторіи готова стать лишь свѣжей яркой иллюстраціей торжества нѣмецкой государственной идеи—„Macht vor Recht“ или что тоже эгоистическаго девиза нѣмцевъ: „Deutschland, Deutschland über Alles“.

При такомъ положеніи вещей Россія, конечно, не могла остаться въ сторонѣ. Русскій Государь—правитель первой по своему могуществу славянской державы, из-

давна мыслился единственно надежнымъ защитникомъ православной вѣры и славянской идеи, защитникомъ Славянства, какъ цѣльнаго культурно-историческаго типа, отъ натиска на нихъ не только магометанъ, но и тевтоновъ. Въ XVII вѣкѣ прибылъ въ Москву католическій каноникъ, родомъ хорватъ, Юрій Сербянинъ, извѣстный подъ именемъ Юрія Крижанича, горячій заступникъ славянскихъ народовъ отъ всякихъ посягательствъ на ихъ самобытность. Еще тогда Крижаничъ съ горечью писалъ, имѣя въ виду довести до свѣдѣнія Московскаго правительства, какъ многія славянскія племена въ Моравіи, Силезіи и Пруссіи или уничтожены тевтонами, или изгнаны ими отсюда; какъ тевтоны захватили господство въ Чехіи, Угріи и Польшѣ. „Нѣмцы“, разсказывалъ Крижаничъ, „нимало не заботятся о духовномъ просвѣщеніи и матеріальномъ благосостояніи тѣхъ народовъ, куда приходятъ или бываютъ призваны. Они—самомнительнѣйшій народъ въ мірѣ, самые гордые презиратели другихъ народовъ и вреднѣйшіе враги и насильники славянства; намѣренно всюду прославляютъ свои достоинства, нерѣдко небывалыя, и чернятъ всѣхъ славянъ, преувеличивая дѣйствительные недостатки послѣднихъ, и не гнушаясь явной ложью и клеветой“. „Я, говоритъ Крижаничъ о себѣ, бывалъ съ ними много тысячъ разъ, и почти всегда вынужденъ былъ выслушивать, какъ они честятъ нашъ народъ славянскій, пронизывая всѣми возможными ругательствами и клеветами.... Чего только не пишутъ о насъ въ своихъ книгахъ, и нельзя довольно высказать, сколько гибеленъ ядъ ихъ для нашего народа... Нѣмцы отогнали насъ отъ моря, отъ судоходныхъ рѣкъ, загнали въ широкое поле землю орать. Вездѣ на плечахъ намъ сидятъ они и ищутъ надъ нами господства. Голодной ихъ жадности никогда не наполнить, какъ дыряваго мѣшка. Они хотѣли бы высосать кровь изъ жилъ, мозгъ изъ костей нашихъ.... Вообще, ни одинъ народъ подъ солнцемъ не былъ искони такъ обиженъ и осрамленъ отъ иноплеменниковъ, какъ мы—славяне отъ нѣмцевъ“. Въ виду подобнаго недобраго отношенія

нѣмцевъ къ славянамъ Крижаничъ — этотъ ранній и очень горячій славянофилъ обращался къ царю Алексѣю Михайловичу съ такимъ ходатайствомъ: „Тебѣ, пречестной Государь, выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ славянскомъ. Ты, какъ отецъ, долженъ позаботиться о собраніи разсыпанныхъ чадъ своихъ; ты, Царь, одинъ данъ намъ отъ Бога, чтобы пособить Задунайцамъ, Ляхамъ и Чехамъ, чтобы они познали свое угнетеніе отъ чужихъ, свой позоръ, начали помышлять о своемъ просвѣщеніи и сбрасывать съ шеи турецкое и *нѣмецкое* ярмо“ [1]). Послѣ пріѣзда Крижанича въ Россію прошло около трехъ столѣтій, и за это время Русская мысль въ работахъ преемниковъ Крижанича—нашихъ славянофиловъ еще болѣе углубила, обосновала и раскрыла отмѣченные взгляды Юрія Сербянина. Такъ, напримѣръ, А. С. Хомяковъ въ своемъ послѣднемъ завѣтѣ Славянству—въ „Посланіи къ Сербскому народу“, являющемся какъ бы катехизисомъ славянофильской доктрины, между прочимъ, говоритъ, что народы Нѣмецкіе не могутъ похвалиться честью Европейскаго имени; „они, или лучше сказать, ихъ хитрые посланцы, да наши братья, измѣнившіе своему родному обычаю, употребляютъ это слово, какъ ловкую приманку для Славянъ, чтобы привесть ихъ въ духовное рабство, и къ несчастію часто еще поддаемся мы на ихъ обманъ Горькій опытъ слишкомъ ясно доказалъ это Славянамъ... Будьте глухи къ этому жалкому соблазну“! [2]) Если бы незабвенный А. С. былъ живымъ свидѣтелемъ переживаемой европейской катастрофы, то, конечно, и теперь его голосъ къ Россіи прозвучалъ бы также громко, какъ въ 1854 г.:

„Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,

---

[1]) „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“ Д. В. Цвѣтаева. М. 1890 г. стр. 771—773. Ср. брошюру того-же автора: „Смыслъ настоящей войны“ Москва 1914 г. стр. 4.

[2]) „Сочиненія“, М. 1900 г. т. I, стр. 381, 399.

Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.
Вставай, страна моя родная!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ—то Божій мечъ"!
(стихотвореніе—„*Россіи*").

„Иди! Тебя зовутъ народы.
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
„Дай мысли жизнь, дай жизни миръ"!
(стихотвореніе—„*Раскаявшейся Россіи*") [1]).

И. С. Аксаковъ тоже настойчиво подчеркивалъ мысль, что призваніе Россіи „не только въ огражденіи всему Славянскому міру условій внѣшняго матеріальнаго безпрепятственнннаго роста и существованія, т. е. независимости земель, морей и проливовъ, но и въ содѣйствіи самостоятельности и свободѣ развитія самой сущности славянскаго духа" [2]).

---

[1]) Въ „Письмѣ къ пріятелю-иностранцу предъ началомъ Восточной войны" А. С. Хомяковъ такъ раскрываетъ мысль, отмѣченную въ приведенныхъ сейчасъ его стихотвореніяхъ: „Русскій народъ вовсе не помышляетъ о завоеваніяхъ: въ завоеваніи не было для него никогда ничего соблазнительнаго. Русскій народъ вовсе не помышляетъ о славѣ: этимъ чувствомъ никогда не загоралось его сердце. Онъ помышляетъ о своемъ долгѣ, онъ помышляетъ о *священной* войнѣ. Я не назову ее крестовымъ походомъ, не обезчещу ее этимъ именемъ. Не земли отдаленныя завоевывать посылаетъ насъ Богъ (какъ бы ни были эти земли дороги нашему религіозному чувству), но воздвигаетъ насъ на спасеніе братій, которые — кровь отъ крови нашей, которыхъ сердце—наше сердце. Война,—преступная въ первомъ случаѣ,—становится священною во второмъ. Вотъ какъ понимаетъ Русь иачинающуюся борьбу, вотъ почему вооружается она радостно, готовая, если будетъ нужно, встать вся, какъ одинъ человѣкъ!" „Сочиненія" т. III, стр. 182—183. Москва, 1900 г.

[2]) „Богослов. Вѣстн." 1911 г., іюнь, стр. 266. Мысль о Россіи, какъ необходимой защитницѣ славянскихъ народностей отъ всякихъ чужеземныхъ натисковъ на нихъ, присуща политическому сознанію

Если за минувшіе три вѣка послѣ Юрія Сербянина его преемники—наши славянофилы еще болѣе углубили и обосновали взглядъ на Россію—защитницу Славянства, какъ цѣльнаго культурно-историческаго типа, то историческія обстоятельства за это время еще болѣе пріучили славянъ видѣть въ Русскомъ Государѣ покровителя Славянства. Вотъ почему нашъ Государь Императоръ еще отъ 14 іюля сего года, во время развитія Австро-Сербскаго конфликта, писалъ королевичу сербскому Александру: „Ваше Королевское Высочество не ошиблись въ моемъ сердечномъ расположеніи къ сербскому народу. Теперешнее положеніе вещей привлекаетъ мое самое серьезное вниманіе.... Ваше Высочество можете быть увѣрены въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ Россія не останется равнодушной къ участи Сербіи" [2]). Вотъ почему и Петроградскіе Чехи, собравшись 18 іюля на митингъ для обсужденія текущихъ и грядущихъ событій у славянскихъ народностей, говорили, между прочимъ, въ вынесенной ими резолюціи: „Мы, Петербургскіе Чехи, нашли въ Россіи вторую отчизну. Мы горячо сочувствуемъ Россіи, защищающей правое дѣло противъ неслыханнаго набѣга на славянство. Нашъ взоръ устремленъ къ тѣмъ, которые своею кровью всегда отстаи-

---

не только нашихъ писателей-славянофиловъ, но и широкихъ интеллигентныхъ круговъ русскаго общества. Такъ, напримѣръ, графъ С. Ю. Витте писалъ въ 1912 г.: „Въ колоніальной политикѣ Россія не нуждается, ея внѣшнія задачи не только мирнаго характера, но даже наиболѣе культурнаго въ истинномъ смыслѣ этого слова, ибо миссія Россіи на Востокѣ, въ противовѣсъ стремленію западно-европейскихъ державъ къ экономическому и нерѣдко политическому порабощенію народовъ Востока, должна быть миссіею охранительною и просвѣтительною. На долю Россіи естественно выпадаетъ защита сопредѣльныхъ ей восточныхъ странъ, находящихся въ сферѣ ея просвѣтительнаго вліянія, отъ чрезмѣрныхъ притязаній, политическихъ и колоніальныхъ, со стороны другихъ державъ". „Конспектъ лекцій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ". Спб. 1912 г., стр. 203.

[2]) „Сборникъ дипломатическихъ документовъ" (переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ). Спб. 1914 г., стр. 32.

вали святые завѣты Славянства противъ грядущаго нашествія враговъ. Русскій Царь, покровитель Славянства, и съ нимъ св. Русь своимъ рѣшительнымъ выступленіемъ показали, что намъ нечего опасаться за будущее Южнаго и Западнаго Славянства. Чешскій народъ сумѣетъ оцѣнить великодушіе братскаго народа и его Высокаго Покровителя“ [1]). Вотъ, наконецъ, почему и проф. Бѣлградскаго университета Кошичъ на банкетѣ общественныхъ дѣятелей въ Петроградѣ 25 іюля, оцѣнивая событія текущаго момента, держалъ такую рѣчь: „Мы, Сербы, во многомъ виноваты предъ Австріей. Первая наша вина въ томъ, что мы—Славяне. Францъ Іосифъ однажды заявилъ, что онъ скорѣе желалъ бы быть часовымъ у двора своего брата — германскаго императора, чѣмъ быть императоромъ Славянъ. Вторая вина Сербовъ въ томъ, что они православные, въ томъ, что они привыкли смотрѣть на Русскихъ, какъ на своихъ братьевъ—избавителей. Но.... мы не боимся ничего, такъ какъ знаемъ, что съ нами идетъ нашъ старшій Братъ—великодержавная Россія. Русская тройка поднялась на этотъ разъ не для того, чтобы укрѣплять могущество германской имперіи, или чтобы спасать жизнь Габсбургамъ, но чтобы принести свободу всѣмъ рабамъ, которые стонутъ подъ Австрійскимъ игомъ. Тебя, Россія, ждутъ Словаки, ждутъ Чехи и Хорваты, всѣ тѣ народы, которыхъ Русскій Царь воскреситъ изъ мертвыхъ и посадитъ рядомъ съ Собой, какъ равноправнаго брата. Я поднимаю свой бокалъ за Русскій народъ. Изъ его благородной крови мы выросли, и за него мы готовы пролить кровь нашего молодого народа“ [2]).

Но преграждая новый шагъ завоевательной политики Тевтоновъ, защищая своихъ соплеменниковъ, въ частности, сербовъ и черногорцевъ, и не допуская превратить ихъ территорію въ Австрійскія провинціи, Россія неминуемо должна была принять участіе въ развертывающейся

---

[1]) „Новое Время“ № 13775.

[2]) Тамъ же, № 13782.

военной компаніи и для того, чтобы на будущее время спасти самое себя отъ безграничныхъ нѣмецкихъ аппетитовъ и сохранить свою самобытность.

Натиски нѣмцевъ на Русскую землю тоже имѣютъ свою поучительную исторію. Вотъ, напримѣръ, яркій образчикъ одного изъ такихъ натисковъ еще въ удѣльную эпоху древней Руси. Нѣмцы утвердились во 2-й половинѣ XII и 1-й половинѣ XIII в. на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря въ устьяхъ Западной Двины, Нѣмана и Вислы, стали продвигаться отсюда въ глубь территоріи и безпокоить сосѣднія Русскія области—Новгородскую, Псковскую, Полоцкую и Волынскую съ цѣлью, конечно, захвата ихъ. Съ помощью Меченосцевъ они около 1240 г. покорили владѣнія Полоцкихъ князей по р. Двинѣ, взяли русскій городъ Юрьевъ (Дерптъ), Изборскъ, Псковъ; заняли даже дороги около Новгорода и грабили купцовъ. Неизвѣстно—чѣмъ бы кончился этотъ натискъ, если бы его не остановилъ знаменитый сынъ Суздальскаго князя Ярослава Всеволодовича—св. благовѣрный князь Александръ Невскій, который въ такъ называемомъ „ледовомъ побоищѣ" 5 апрѣля 1242 г. разбилъ на голову Меченосцевъ на льду Чудскаго озера. Нѣмцы не только не спускали никогда глазъ съ Русской территоріи, но они еще, кромѣ того, всегда и ненавидѣли Русскихъ всѣми фибрами своей души, ненавидѣли ихъ за то, что Русскіе являются оплотомъ всей семьи славянскихъ народовъ и поэтому всегда служатъ для Тевтоновъ помѣхой при осуществленіи ихъ аггрессивныхъ плановъ въ отношеніи Славянства. Еще въ XVII вѣкѣ уже извѣстный намъ Крижаничъ, суммируя свои впечатлѣнія объ отношеніяхъ Германцевъ къ Славянамъ, въ частности, къ Московіи, и основываясь въ данномъ случаѣ на всей предшествующей исторіи этихъ народовъ,—этотъ Крижаничъ предупреждалъ Московскихъ людей, что нѣмцы „ненавидятъ наше Славянское племя непримиримою, вѣчною, демоническою ненавистью, и особенно Русское царство. Послѣ того, какъ вытѣснили Славянскія племена изъ Моравіи, Поморья, Силезіи и Пруссіи, или уничтожили ихъ тамъ, послѣ захвата господства

въ Угріи, Чехіи, Польшѣ и Литвѣ (черезъ Шведскую династію), они не могутъ терпѣть того, что остается свободной отъ ихъ прелютаго ига Русская держава, которая можетъ послужить надеждой и опорой для славянъ. Способы, посредствомъ которыхъ приносятъ они вредъ, крайне разнообразны, проникаютъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь и политику; какъ заклятые враги Россіи, усиленно стараются ослабить, унизить ее. Всю Русь наводняютъ шайки Нѣмцевъ, и всѣ благіе плоды земли нашей они пожираютъ, и страну нашу дѣлаютъ пустыней, и постепенно да нечувствительно обращаютъ насъ въ ихъ данниковъ и подчиненныхъ. Я часто самъ слыхалъ отъ нихъ притчу, коей они хвалятся и велятъ своимъ: кто хочетъ хлѣбъ даромъ ѣсть, да придетъ въ Москву. И они постоянно поступаютъ по своей притчѣ, гостятъ и пьянствуютъ, а нашихъ людей, кои на встрѣчу случайно при нихъ будутъ, псами, свиньями и всякаго скота именами обзываютъ, многократно и бьютъ“ [1]). Зная, что царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ обнаруживаетъ особенный интересъ къ Западу, Крижаничъ пишетъ особое письмо [2]) Царевичу, чтобы предупредить его отъ увлеченія излишнимъ „чужебѣсіемъ“. „Ни одинъ народъ подъ солнцемъ, писалъ Крижаничъ Царевичу, не выноситъ отъ иноплеменниковъ столь тяжелыхъ оскорбленій, безчестій и позора, попрековъ, вреда, соблазна, замѣшательствъ, брани, измѣны и разореній, какъ народы Русскій и Польскій на своей родинѣ и подъ своимъ Государемъ отъ нѣмцевъ. Нѣмцы не только войною, но и всякимъ коварствомъ забираютъ каждое государство, гдѣ люди менѣе осторожны и недостаточно остерегаются отъ ихъ нападенія и наводненія.... Такимъ путемъ сдѣлались нѣмецкими... земли нашего народа, Чехія Силезія, Моравія, Поморія, большая часть Угріи и др.... Что сказать о Польшѣ? Въ ней остается уже немного, особенно среди дворянства, чтобы сдѣлать ее нѣмецкою“ [3]).

---

[1]) Цитир. сочин. Дм. Цвѣтаева, стр. 770—772.

[2]) „Письмо объ освобожденіи“.

[3]) Цитирован. сочин. Дм. Цвѣтаева, стр. 774—775, примѣч.

Суммировавши такъ результаты мертвящей аггрессивной политики нѣмцевъ, Крижаничъ ставитъ предъ наслѣдникомъ престола такой наводившій на размышленія вопросъ: „Что сбудется съ Россіей—„Russia quo spectat?“—вопросъ, надъ которымъ серьезно должно было задуматься Московское правительство и, въ частности, будущій Царь Россіи. Прошло послѣ Юрія Крижанича около трехъ столѣтій, и историческія обстоятельства только еще болѣе подтвердили, что нѣмцы,—этотъ, по выраженію И. В. Кирѣевскаго, „бичъ для русскаго народа, посланный ему Провидѣніемъ“ [1]),—дѣйствительно, никогда не оставляли своихъ захватныхъ плановъ вообще и въ отношеніи къ Россіи въ частности. Можно говорить безъ конца на тему о томъ самомъ разнообразномъ духовномъ и культурно-экономическомъ плѣнѣ, въ которомъ находилась Россія у нѣмцевъ въ послѣднія два столѣтія. Этотъ фактъ для всѣхъ очевиденъ. Но и въ области международной политики нашему правительству всегда приходилось быть очень дальнозоркимъ и осторожнымъ, чтобы во время предупреждать новыя аггрессивныя попытки нѣмцевъ, угрожавшія и цѣлостности Россіи и политическому равновѣсію Европы. Такое профилактическое значеніе, въ Петроградскій періодъ нашей исторіи, имѣетъ, напримѣръ, Семилѣтняя война въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, когда Россія выступала противъ Пруссіи, противъ ея, по выраженію нашего канцлера Бестужева—Рюмина, „скоропостижнаго короля“ Фридриха II, особенно одушевленнаго различными завоевательными планами. Въ эту войну наши войска уже побывали въ тѣхъ мѣстахъ восточной Пруссіи, которыя въ недавніе минувшіе дни орошены кровью славныхъ русскихъ борцовъ за Родину и за общее правое дѣло: русскія войска заняли тогда Кенигсберъ, вторглись въ Бранденбургъ и захватили Берлинъ (1760 г.), съ котораго взяли контрибуцію. Только смерть императрицы Елизаветы Петровны спасла Пруссію отъ окончательнаго разгрома. Нѣмцы и въ послѣднее время не оставляютъ мысли

---

[1]) „Сочиненія“ т. II стр. 241, Москва 1861 г.

разгромить Россію—этотъ оплотъ Славянства, не оставляютъ мысли превратить и Русскихъ въ Dünger Volk для своего племени. Такой планъ съ бо̀льшими или меньшими подробностями развивали и развиваютъ—и стратеги, и философы, и историки, и другіе различные ученые изъ германскаго племени. Такъ, экономистъ Рошеръ утверждаетъ, что всѣ славянскія земли, не исключая и Россіи, „раньше или позже должны сдѣлаться достояніемъ великаго германскаго народа". Проф. Карлъ Іенчъ въ спеціальномъ изслѣдованіи доказываетъ, что Россія въ отношеніи къ современнымъ нѣмцамъ должна представлять то-же, что для германскихъ предковъ славянскія земли къ востоку отъ Эльбы, т. е. она должна быть оккупирована нѣмцами, какъ предназначенная къ этому самой природой. Карлъ Іенчъ подробно развиваетъ и самый проектъ оккупаціи. Конкретно захватъ Россіи нѣмцами представляется иногда въ томъ видѣ, что къ нимъ отходятъ—Финляндія и Прибалтійскій край, Польша, Волынь, Подолія, Кіевская область, Малороссія и Новороссія. Въ нѣкоторыхъ же планахъ оккупаціи Россіи нѣмецкіе аппетиты выражаются въ несравненно болѣе широкомъ масштабѣ. Напримѣръ, къ брошюрѣ „Germania triumphans" (излагаемыя здѣсь событія пріурочены къ 1915 г.) приложена карта съ новымъ дѣленіемъ земного шара между отдѣльными государствами,—дѣленіемъ, очевидно, идеальнымъ съ нѣмецкой точки зрѣнія. По этой идеальной картѣ Россія *начинается* только лишь за Волгой; все же пространство *до* Волги отходитъ къ Германіи и Австріи, причемъ Русскіе переселяются съ своей родины на нѣмецкую территорію въ качествѣ нѣмецкихъ батраковъ, а прежняя, съ точки зрѣнія Германіи, Россія колонизуется нѣмцами. Вотъ какіе смѣлые проекты оккупаціи нашего Отечества предносятся игривой и безграничной фантазіи Австро-Германцевъ [1]). Для болѣе успѣшной пропаганды своихъ окку-

---

[1]) Въ Берлинѣ сейчасъ обращается въ продажѣ за 20 пфениговъ карта „Будущей Европы", составляющая авторскую собственность редактора саарбрюкенской газеты — „Saargrosstadtbrille" Альбана Ру-

паціонныхъ плановъ въ широкихъ народныхъ кругахъ и для поддержанія въ послѣднихъ аггрессивнаго настроенія воинствующій пангерманизмъ развиваетъ эти планы въ доступной для всѣхъ беллетристикѣ особаго типа—въ военныхъ романахъ. Характернымъ явленіемъ въ этомъ отношеніи является, напримѣръ, книга нѣмецкаго публициста Рудольфа Мартина подъ кричащимъ заглавіемъ: „Берлинъ—Багдадъ". Рѣчь идетъ о созданіи всемірной германской имперіи отъ Берлина до Багдада, т. е. о такой мечтѣ, которая не предносилась даже смѣлому воображенію Бис-

мына. Карта издана подъ девизомъ—„Сонъ нѣмецкаго ландвермана Кучке"—(„какъ передѣлали границы европейскихъ государствъ германско-австрійскія войска къ 1915 г."). На этой картѣ оккупація нѣмцами европейской и, въ частности, русской территоріи представляется въ слѣдующихъ опредѣленныхъ чертахъ: „Германская имперія, и даже не просто „имперія" (Deutsches Reich), какъ она называется нынѣ, а, такъ сказать, „императорская имперія" (Kaiserreich) разлилась по картѣ Европы широко и причудливо. Она залила всю Бельгію и сѣверную Францію. Брюссель, Гавръ, Руанъ, Реймсъ теперь—нѣмецкіе города. А провинціи средней Франціи съ Парижемъ, Орлеаномъ, Туромъ и Дижономъ—„новыя имперскія земли Германіи", нѣчто въ родѣ новой Эльзасъ-Лотарингіи. Нѣмцы великодушны. Франція не совсѣмъ стерта съ лица земли. Но она съѣхала куда-то внизъ къ Пиринеямъ и Средиземному морю; на картѣ отъ нея осталась лишь узенькая полоска. Еще горше участь Англіи. Она даже не „имперская земля", а за исчлюченіемъ крохотнаго кусочка въ Корнуэльсѣ сведена къ положенію нѣмецкой колоніи и сравнена въ наименованіи („Schutzgebiet") съ африканскими владѣніями Германіи, населенными готтентотами. Пощада дается только—Шотландіи и Ирландіи, которыя дѣлаются самостоятельными королевствами.

Съ Россіей также плохо. Не только прибалтійскія губерніи, не только Вильно, но и самый Петроградъ отходятъ къ Германіи. Намъ оставляется въ утѣшеніе лишь Кронштадтъ. Русская Польша дѣлается входящимъ въ германскій союзъ королевствомъ. Прусскія и австрійскія польскія земли остаются за своими постоянными владѣльцами. Австрійцы тоже должны получить щедрое вознагражденіе. Въ предѣлы Австро-Венгріи должны войти не только Кіевъ, не только Смоленскъ, но и Тверь. И мало того,—восточныхъ границъ Австро-Венгріи на картѣ вообще не видно. Кто знаетъ, можетъ быть, и самая Москва предназначена быть резиденціей какого-нибудь австро-венгерскаго ландсшефа или штатгальтера". „Русскія Вѣдомости" 1914 г. № 220; здѣсь же приложенъ и снимокъ съ карты.

марка. Эту мечту, по роману, приближаютъ къ дѣйствительности надежды на всемогущество германскаго воздушнаго флота, который, замѣтимъ кстати, по справедливости считается сейчасъ лучшимъ въ мірѣ. Фабула интересующаго насъ романа, въ части его, касающейся Россіи, такова. „Романъ открывается разсказомъ о русской революціи 1913 года, разразившейся послѣ 2-й Русско-Японской войны и побѣды японскаго воздушнаго флота. Революція выдвигаетъ диктатора Михаила Суварова, далеко оставляющаго позади себя Наполеона. Михаилъ Суваровъ заводитъ собственную превосходную воздушную армію, съ ея помощью покоряетъ отдѣлившіяся отъ Петербурга „республики", возстановляетъ единство Россіи и основываетъ центръ своего господства въ Памирѣ. Но онъ сталкивается съ Германіей, которая беретъ подъ свою защиту непокоренныя Суваровымъ „республики"—латышскую, польскую и украинскую. Суваровъ бомбардируетъ своимъ воздушнымъ флотомъ Берлинъ, наноситъ германской столицѣ страшныя потери, но, застигнутый германскими воздушными кораблями, спасается въ Памиръ. Армія „молодого Куропаткина" капитулируетъ въ Варшавѣ, и 10 мая 1916 года германскій канцлеръ заключаетъ съ Русской республикой миръ отъ имени „Германско-Австрійской федераціи". За два дня до этого, „какъ въ 1871 г.", германскій императоръ заключаетъ федеративный союзъ съ Австро-Венгріей, съ Турціей, съ Балканскими государствами. Изъ владѣній, отнятыхъ у Россіи, образуются „королевства"—балтійское, польское и украинское,—первыя два подъ властью принцевъ изъ дома Гогенцоллерновъ. Кавказъ отдается султану" [1]). Если подробности этой фабулы фантастичны, какъ и во всякомъ беллетристическомъ произведеніи, то схема ея несомнѣнно отображаетъ дѣйствительные, давнишніе планы Берлинскаго Кабинета; и авторъ романа Рудольфъ Мартинъ изрѣдка напоминаетъ читателю, что нѣкоторые изъ описан-

---

1) П. Н. Милюковъ, цитир. сочин. стр. 70.

ныхъ успѣховъ Германіи предсказывались такими писателями, какъ Листъ, Рошеръ, де-Лагардъ и др., а къ нѣкоторымъ (завоеваніе Польши и Прибалтійскаго края) стремился еще Бисмаркъ [1]).

Не ясно ли изъ вышесказаннаго объ отношеніи нѣмцевъ къ славянамъ и, въ частности, къ Россіи и о нѣмецкихъ планахъ на нихъ,—не ясно ли, что современная война есть не только общеевропейская борьба противъ воинствующаго пангерманизма, опирающагося на милитаризмъ, но и генеральная, исключительная по своимъ размѣрамъ, характеру и цѣлямъ схватка Германскаго міра съ міромъ Славянскимъ. Эту послѣднюю мысль прекрасно выясняетъ нашъ русскій полуоффиціозъ—„Новое Время". „На нашихъ глазахъ, говоритъ газета, кровью и жертвами нашего поколѣнія разрѣшается вѣковая тяжба, которая тянется со времени Грюнвальда [2]). Дѣло идетъ или о подчиненіи нѣмецкому владычеству Балканскаго, а вслѣдъ затѣмъ и всего восточнаго Славянства, или же объ освобожденіи изъ подъ тяжелой тевтонской пяты всѣхъ западныхъ, наполовину уже онѣмеченныхъ, славянскихъ народовъ. Быть можетъ, никогда еще въ исторіи Россіи и Славянства не было эпохи болѣе важной, минуты болѣе трагической. Пе-

---

[1]) Относительно повышеннаго взгляда нѣмцевъ на самихъ себя и ихъ плановъ касательно Русскихъ и Славянъ вообще см. обстоятельную и яркую статью Д. Анучина: „Нѣмцы о себѣ и о другихъ"—„Русскія Вѣдомости" 1914 г., № 227.

[2]) Битва въ 1410 г. при деревняхъ Грюнвальдѣ и Танненбергѣ—на границѣ Пруссіи и Польши, гдѣ соединенныя силы Западной Руси, Литвы и Польши нанесли страшное пораженіе Тевтонскому ордену, дѣйствительно, составляетъ эпоху въ исторіи ордена и Польши: послѣ блестящей побѣды здѣсь русскаго и польскаго славянства надъ германцами могущество ордена пало, натиски его на Польскую территорію прекратились, а значеніе Польши и соединенной съ нею Литвы очень поднялось. Все-же „вѣковая тяжба" между Германскимъ и Славянскимъ міромъ, о которой говоритъ „Новое Время", ведетъ свою исторію не съ Грюнвальда, а съ болѣе раннихъ временъ. Не говоря уже про сѣверо-западныхъ Славянъ—и восточное Славянство, еще въ XIII в. при св. Александрѣ Невскомъ, какъ мы видѣли выше, вступало въ ожесточенный споръ съ германцами.

режитое славянскими народами монгольское и турецкое владычество не могло быть прочно. Оно и возникло только благодаря случайной разрозненности славянскихъ силъ, и сравнительно легко было сброшено при несомнѣнномъ преимуществѣ культурнаго развитія порабощенныхъ надъ поработителями. Наполеоновское вторженіе въ Россію тоже носило характеръ чисто эпизодическаго предпріятія, которое не могло не окончиться крушеніемъ всей карьеры честолюбиваго Корсиканца. Расцвѣту русской и славянской культуры не могъ угрожать ни Батый, ни Омаръ, ни Наполеонъ—эти калифы на часъ, которые приходили и уходили, какъ случайно пронесшіяся грозы, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ въ психологіи временно-покоренныхъ народовъ. Совсѣмъ другое дѣло германское владычество. Оно налагаетъ свою тяжелую руку на самую душу народа... Гдѣ разъ упрочился нѣмецъ, тамъ должно вымереть все Славянское. Воинственный кличъ изъ Берлина и Вѣны: „Nach Osten"—на Востокъ"!—звучитъ, какъ грозный призывъ всего Славянства къ рѣшительной борьбѣ за національное существованіе. На ставку поставлена участь грядущихъ поколѣній, судьба нашихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, которые или будутъ вынуждены потерять свой національный обликъ подъ пятой восторжествовавшаго германизма, или разовьютъ свой собственный національно-русскій и славянскій строй жизни на широкомъ просторѣ національности, отстоять которую своею грудью выпало на долю нашему поколѣнію"[1]). Таковъ смыслъ современной войны съ точки зрѣнія руководящихъ ею національныхъ принциповъ. Оцѣниваемый же вообще, со стороны нравственныхъ началъ, гигантскій поединокъ германскаго міра съ европейскими державами и Россіей въ частности является борьбой ни съ чѣмъ не считающагося узкаго племенного эгоизма и насилія съ вполнѣ естественнымъ во всякомъ живомъ существѣ инстинктомъ самозащиты, самосохраненія, съ обнаруженіями горячей любви къ несправедливо угнетаемому единокров-

[1]) „Новое Время" № 13776.

ному собрату. Короче говоря: этотъ поединокъ есть ярко обнаруживающаяся во внѣшней дѣйствительности борьба ницшеанскихъ и христіанскихъ началъ. Какія изъ воюющихъ державъ въ своихъ поступкахъ служатъ выразителями тѣхъ или другихъ началъ—это понятно само собой.

Вышеприведенная характеристика тайныхъ пружинъ, создавшихъ переживаемую войну, достаточно ясно намѣчаетъ и задачи послѣдней.

Если настоящая грозная военная эпопея вызвана наступательнымъ движеніемъ на всѣхъ и на все воинствующаго пангерманизма, опирающагося на несовмѣстимую съ культурнымъ развитіемъ человѣчества систему милитаризма, то и война должна быть, прежде всего, „борьбою до конца", до полнаго уничтоженія прусскаго милитаризма и ниспроверженія военной мощи Германіи; „полумѣръ не можетъ быть; страшныя жертвы приносятся во имя прочнаго мира, съ цѣлью освобожденія человѣчества отъ невѣроятной тяжести постоянно растущихъ вооруженій. Между тѣмъ, миръ съ Германіей или, вѣрнѣе, съ правительствомъ императора Вильгельма теперь былъ бы только перемиріемъ. Получивъ необходимую отсрочку, нѣмцы снова примутся вооружаться до зубовъ съ цѣлью реванша. Европа устала отъ „вооруженнаго мира" и жаждетъ спокойнаго развитія на почвѣ уваженія къ правамъ всѣхъ націй. Настоящая война слишкомъ дорого обходится цивилизованному человѣчеству, чтобы въ будущемъ можно было рисковать второй войной. Пока еще военное воздухоплаваніе находится въ зародышѣ,—и, тѣмъ не менѣе, мирное населеніе уже испытываетъ ужасы бомбардировки сверху. Страшно подумать о томъ, что было бы черезъ 5—10 лѣтъ въ случаѣ европейской войны, когда въ воздухѣ носились бы цѣлыя батареи. Великая міровая война должна быть первой и послѣдней" [1]). По мѣткому выраженію Мэтерлинка „существенно необходимо, чтобы современное человѣчество уничтожило навсегда прусскій милитаризмъ, какъ оно уничтожило бы ядовитый грибъ, ко-

[1]) „Русское Слово"—ст. „Борьба до конца" 1914 г. № 201.

торый въ теченіе полувѣка нарушалъ покой и отравлялъ воздухъ нашего существованія. Здоровье нашей планеты въ опасности"... Темныя силы, одушевляющія нѣмцевъ, „должны быть уничтожены, какъ мы уничтожаемъ осиное гнѣздо, такъ какъ мы знаемъ, что оно никогда не превратится въ пчелиное..... Сумѣемъ быть безжалостными, чтобы больше никогда не нуждаться въ жалости. Это— мѣра естественной защиты" [1]). Такую рѣшительную задачу современной войны прекрасно формулировалъ, хотя, можетъ быть, нѣсколько сильно, но за то очень картинно и по существу вѣрно англійскій адмиралъ лордъ Бересфордъ, когда сказалъ: „Война должна быть закончена въ Берлинѣ. Всѣ суда германскаго боевого флота должны быть потоплены, всѣ германскіе порты разрушены, заводъ Круппа взорванъ, Кильскій каналъ отданъ Даніи. Это послужитъ въ пользу дальнѣйшему мирному развитію человѣчества" [2]). Послѣ подобной ликвидаціи прусскаго милитаризма нѣмцы едва ли понесутъ какой либо ущербъ въ смыслѣ здороваго національно-самобытнаго своего развитія; они только оставятъ никому, и тѣмъ болѣе христіанскому народу, несвойственную милитаристическую дорогу, а ихъ страна превратится въ прежнюю страну Канта и Гегеля, Шиллера и Гете, Шумана и Шуберта, и др. духовно культурныхъ производительныхъ силъ. Конечно, не „бряцаніе саблей", а именно мирное развитіе различныхъ сторонъ человѣческаго генія является тѣмъ жребіемъ, который Господь послалъ даровитымъ и трудоспособнымъ Австро-Германцамъ въ качествѣ ихъ земного послушанія.

Само собой понятно, что ликвидація прусскаго милитаризма требуетъ полнаго сокрушенія и могущества Австріи, благодаря которой только и возможны исключительный задоръ и ассирійская завоевательная политика Германіи. Австро-Венгрія, по мѣткому выраженію М. Меньшикова, „это—та опорная точка, при посредствѣ которой

---

[1]) „Русское Слово" 1914 г., № 211.

[2]) „Казанскій Телеграфъ" 1914 г. № 6376.

коронованный Архимедъ (т. е. Вильгельмъ) собирается перевернуть Европу. Нужно выбить эту опорную точку изъ подъ ногъ Германіи и раздробить ее.... Австро-Германскій союзъ, какъ онъ теперь сложился, представляетъ злокачественную опухоль, разростающуюся на счетъ сосѣднихъ народовъ. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, нѣтъ противъ злокачественныхъ новообразованій болѣе вѣрныхъ средствъ, чѣмъ ножъ, во время примѣненный“ [1]).

Здѣсь мы подходимъ къ формулировкѣ второй капитальной задачи, которую должна вырѣшить современная война. Если Австро-Германскій военный союзъ является злокачественной опухолью на организмѣ Европы, то сама „Австро-Венгрія въ государственномъ смыслѣ представляетъ собою перерожденіе тканей, уродливый переплетъ народностей, нуждающійся въ хирургическомъ раздѣленіи ихъ“ [2]),—народностей, большинство которыхъ принадлежитъ къ славянской семьѣ и пока томится въ нѣмецкомъ засильѣ, всячески стирающемъ въ славянинѣ живой національный обликъ. Отсюда, разъ будетъ сокрушенъ воинствующій пангерманизмъ, то наступитъ та новая эра въ жизни славянскихъ народовъ, которая возвѣщается въ извѣстныхъ воззваніяхъ нашего Августѣйшаго Главнокомандующаго къ русскимъ Галичанамъ, къ Полякамъ и къ народамъ Австро-Венгріи. Тогда наша Родина не только обезопаситъ себя отъ вторженія тевтоновъ, но и возсоединитъ съ собою „достояніе Владиміра Святого, Землю Ярослава Осмомысла, Князей Даніила и Романа....“, а нашъ Государь Императоръ „завершитъ дѣло Великаго Князя Ивана Калиты“; тогда „не будетъ больше подъяремной Руси“ [3]). Тогда не только Балканскіе славяне—

---

[1]) „Новое Время“ № 13782.

[2]) Тамъ же.

[3]) Съ какимъ напряженнымъ чувствомъ ждутъ исполненія этихъ чаяній всѣ вѣрные сыны коренной Россіи, не исключая даже тѣхъ, кого различныя обстоятельства заставили переселиться на территорію Новаго Свѣта, объ этомъ ярко говоритъ выходящая въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ русская газета „Свѣтъ“ („Svit“). Въ № отъ 26 августа с. г., восторженно привѣтствуя взятіе нашими вой-

Сербы и Черногорцы сохранятъ свой суверенитетъ и успокоятся за свой завтрашній день, но и Австро-Венгрія раздробится на свои составныя части, т. е. Западные славяне, живущіе на германской, но больше на австрійской территоріи—Поляки, Чехи, Хорваты, Словенцы и др. сбросятъ съ себя тяжелыя нѣмецкія путы и создадутъ для себя новый modus vivendi, можетъ быть, даже приближающійся къ формѣ небольшихъ самостоятельныхъ или полусамостоятельныхъ государствъ. Тогда наступитъ окончательное объединеніе всего Славянства и свѣтлое буду-

---

сками Львова и Галича, „Свѣтъ", между прочимъ, пишетъ: „Нашъ Львовъ—русскій, нашъ Галичъ—русскій! Господи, слава Тебѣ! Изъ милліонъ русскихъ сердецъ шлетъ Тебѣ вся Русь свою щирую молитву: Боже великій, могучій Спаситель объедини насъ, якъ Ты одинъ въ трехъ лицахъ, такъ Русь наша въ своихъ частьяхъ одна будетъ во вѣки, якъ и Ты одинъ во вѣки! По столько лѣтахъ неволи. послѣ Голгоөы, Ты, нашъ Спаситель, срываешь заржавленныи кайданы изъ рукъ Червонной Руси; Ты посылаешь, великій Боже, день свѣтлый, день лучезарный. Кто Богъ велій яко Богъ нашъ! И пробудятся нашіи герои, которыхъ даже кости выкидали изъ гробовъ враги псамъ на поруганіе, встанутъ они и звеселятся радостью великою, радостью святою и спокойно ложутся опять въ земленьку уже наскрозь русскую и заснутъ спокойнымъ сномъ до второго пришествія Царя—Бога, заснутъ въ благомъ увѣренію, що надъ ними трираменный крестъ святый не дозволитъ больше ругатися. И Осмомыслъ нашъ засядетъ на золотокованномъ престолѣ, и наши Данило и Левъ посѣтятъ свой престольный Львовъ, що-бы порадоватися радостью русскою: они де..го-предолго ждали, пока осуществилось ихъ сонъ-желаніе.

Львовъ нашъ, Галичъ древній нашъ! Иди русскій орелъ дальше и дальше, спѣши братьямъ нашимъ на помощь, остается еще русская земля въ чужихъ рукахъ, заглянь орлинымъ своимъ взоромъ въ нашіи горы Карпатскіи, найдешь тамъ русскихъ добрыхъ людей, найдешь тамъ Лемковъ, що отстаивали долгіи лѣта честь свою середъ чужихъ загоновъ, завитай и по другую сторону Карпатъ, тамъ Мармарошъ-Сигетъ Тебѣ разскажетъ, кто томится въ темныхъ мурахъ, тамъ увидишь гнетъ гунновъ наѣздниковъ. А коли Господь дозволитъ Тебѣ всю семью собрати во едино, тогда, орле, во вѣки вѣчны слава Тебѣ будетъ! Ты объединишь насъ—мы вѣримъ свято, и ніякая сила насъ не роздѣлитъ и прійдетъ къ намъ другій батько Богданъ, и коли спроситъ громаду, куда ити намъ, скажемъ громко, щобы нашъ голосъ дошолъ до небесъ, якъ сказали козаки—предки наши: „Волимъ подъ русского, православнаго Царя" „Новое Время" № 13838.

щее отдѣльныхъ его народовъ; тогда сугубо возрадуется въ загробномъ мірѣ безсмертный духъ А. С. Хомякова, который (А. С.) писалъ А. Н. Попову 17 марта 1848 года о своихъ, казалось въ то время близкихъ къ дѣйствительности, свѣтлыхъ надеждахъ, но который все же не дождался исполненія этихъ надеждъ: „паденіе Австріи или, лучше сказать, распаденіе ея, совершилось или совершается. Для иныхъ это дѣло чисто-политическое, для насъ дѣло историческое, исчезаетъ слѣдъ Карловой Имперіи. Первенство Германской стихіи, по крайней мѣрѣ въ отношеніи вещественномъ, миновалось. Поле чисто. Православіе на міровомъ череду. Славянскія племена на міровомъ череду. Минута великая" [1]); тогда свѣтлыя мечты и всѣхъ вообще нашихъ славянофиловъ, возглавляемыхъ всемірнымъ геніемъ Достоевскаго, будутъ облечены въ плоть и кровь. Слѣдовательно, забронированіе всего Славянства отъ новыхъ тевтонскихъ набѣговъ, раскрѣпощеніе большей части славянскихъ народностей отъ тяжелаго нѣмецкаго ига, обезпеченіе имъ въ будущемъ возможно самостоятельной жизни и дальнѣйшаго культурнаго развитія на основѣ національно-самобытныхъ началъ—такова вторая капитальная задача, которую должна разрѣшить современная война.

Вполнѣ понятно, что ликвидація прусскаго милитаризма, уже нарушившаго политическое равновѣсіе Европы, рѣшеніе въ связи съ этимъ Славянскаго вопроса и національныхъ задачъ другихъ государствъ, принимающихъ активное участіе въ войнѣ или только заинтересованныхъ ею—должно создать въ Европѣ новую политическую группировку. Существуютъ уже и различныя предположенія по вопросу о „будущей картѣ Европы". Авторомъ одного изъ таковыхъ, наиболѣе правдоподобныхъ, предположеній является выдающійся англійскій писатель Уэльсъ. „Мы боремся, говоритъ онъ про своихъ соотечественниковъ, только за одно,—за новую карту Европы. Прежде всего

---

1) В. З. Завитневичъ: „А. С. Хомяковъ", стр. 812—813, т. 1-й. Кіевъ 1902 г.

я предлагаю отдать Франціи Лотарингію и крѣпче связать Люксембургъ съ Бельгіей. Эльзасу должно быть предоставлено право выбора между Франціей и Швейцарскимъ союзомъ. По всей вѣроятности онъ присоединится къ Франціи. Данія должна получить датскую часть потерянныхъ ею (въ 1864 г. въ войнѣ съ Пруссіей) провинцій. Тріестъ, Тріентъ и, быть можетъ, также и Полу надо будетъ отдать Италіи. Такимъ образомъ, соединятся раздѣленныя до сихъ поръ политическими границами народности. Но все это небольшія измѣненія по сравненію съ тѣми громадными переворотами, которые въ той или иной формѣ необходимы въ Восточной Европѣ. Крушеніе Австрійской монархіи висѣло въ теченіе 40 лѣтъ надъ Европой, какъ проклятіе. Теперь пора ее разрушить и положить ей конецъ. Что же должно произойти съ нѣмецкими частями Австро-Венгріи? Какія измѣненія должны произойти на польской границѣ Россіи? Прежде всего я полагаю, что всѣ три части Польши должны соединиться подъ скипетромъ Русскаго Царя. И мнѣ кажется, что мы должны употребить все вліяніе, которое даетъ намъ война для достиженія этой цѣли. Во вторыхъ, мы должны стремиться къ созданію болѣе обширной Румыніи и соединить въ союзъ по образцу Швейцарскаго всѣ сербскія и полусербскія провинціи, входящія до сихъ поръ въ составъ Австріи. Но въ уплату за это увеличенная Сербія должна возвратить Болгаріи всѣ болгарскія земли, находящіяся теперь подъ властью сербскаго короля... По образцу Швейцаріи долженъ возникнуть союзъ чешскихъ, словенскихъ и венгерскихъ областей. Я убѣжденъ въ томъ, что наступило время образованія швейцарскихъ союзовъ (т. е. федеративныхъ республикъ) вмѣсто всевозможныхъ королевствъ, которыя долгіе годы создавали въ Европѣ неустойчивость и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Такова въ общихъ чертахъ та карта Европы, которая, по всей вѣроятности, возникнетъ послѣ теперешней борьбы народовъ“ [1]). Конечно, подробности проектированной карты

---

[1]) „Камско-Волжская Рѣчь“ 1914 г. № 201.

4

Европы, возможно, и не совпадутъ съ дѣйствительностью, но идея, лежащая въ основѣ проекта и указывающая на горячее стремленіе отдѣльныхъ племенъ объединяться по національностямъ и создавать независимыя національныя государства,—эта идея безусловно вѣрна и вполнѣ отвѣчаетъ духу и запросамъ нашей эпохи. Мы живемъ еще подъ могучимъ воздѣйствіемъ наслѣдія XIX вѣка, а это столѣтіе французскій историкъ Де-Вогюэ по всей справедливости называетъ вѣкомъ національностей (le siecle nationalites), вѣкомъ господства національной идеи въ политическомъ сознаніи народовъ. Наше время и минувшее XIX столѣтіе съ такимъ же правомъ можно называть эпохой національизма, какъ XVIII вѣкъ—вѣкомъ просвѣщенія, XVI вѣкъ—временемъ реформаціи, XV вѣкъ—эпохой гуманизма [1]). Вотъ почему національная идея непремѣнно должна быть учтена при новой политической группировкѣ Европы.

Дальнѣйшій вопросъ, который очень волнуетъ и интересуетъ русское и европейское общество—это вопросъ о томъ, какъ долго продлится настоящая война?

Само собой понятно, что на этотъ вопросъ нельзя дать даже приблизительно точный отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ современной войнѣ, при сравнительномъ равенствѣ и почти одинаковомъ качествѣ вооруженныхъ силъ, срокъ военной компаніи зависитъ не столько отъ послѣднихъ, сколько отъ времени, въ теченіе котораго то или другое государство, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ поддерживать внутри себя равновѣсіе экономическихъ силъ. Эта истина давно уже стала аксіомой для всѣхъ лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ вопросахъ войны и мира. Еще Фридрихъ Великій, король Прусскій, утверждалъ, что „штыками можно выиграть сраженіе, но результатъ войны рѣшаетъ хозяйство". Варшавскій банкиръ Бліохъ въ своемъ многотомномъ изслѣдованіи („Будущая война"), изданномъ въ 1899 году, разсуждая

---

[1]) „Богослов. Вѣстн.", 1911 г., іюнь, стр. 259; сравн. проф. П. Н. Ардашевъ-„Націонализмъ на Западѣ". Кіевъ, 1912 г. стр. 9.

о характерѣ будущей великой войны, между прочимъ, говорилъ: „Рѣшительнаго пораженія противнику никакая побѣда принести не сможетъ. Война будетъ продолжаться цѣлые годы. Побѣдитъ въ ней, очевидно, не тотъ, кто храбрѣе, даже не всегда тотъ, кто численнѣе, а тотъ, кто окажется выносливѣе и сможетъ долѣе выдержать необходимое напряженіе. Такимъ образомъ, вопросъ о побѣдѣ сводится, въ концѣ концовъ, къ вопросу о финансахъ“ [1]. Вотъ, наконецъ, подобное же мнѣніе и нашего бывшаго министра финансовъ Вышнеградскаго: „Считаю своимъ долгомъ вѣрноподданнаго“, заявлялъ Министръ Государю Императору во всеподданнѣйшемъ отчетѣ въ 1888 г., „выразить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ твердое, ясное и глубокое убѣжденіе въ томъ, что благосостояніе народа, даже при нѣкоторомъ несовершенствѣ военнаго устройства, принесетъ въ періодъ вооруженнаго столкновенія болѣе пользы, нежели самая полная боевая готовность арміи при пошатнувшемся экономическомъ положеніи народа“ [2]. Отсюда неоспоримый авторитетъ получаетъ положеніе современной экономической науки и политики: „въ то время, какъ на поляхъ брани армія будетъ сражаться за отечество, жизнь во всей странѣ, и на первомъ планѣ хозяйственная жизнь, не только не можетъ остановиться, но должна идти особенно усиленнымъ темпомъ“ [3].

Если, такимъ образомъ, финансы и народное хозяйство—и опредѣляютъ продолжительность войны и даже предрѣшаютъ исходъ ея, то каково положеніе этого фактора у нашихъ противниковъ—Австро-Германцевъ?

Денегъ свободныхъ у Германіи достаточно только на проведеніе мобилизаціи и первыхъ мѣсяцевъ войны. На этотъ предметъ Германія можетъ израсходовать золотой военный фондъ въ 120 мил. марокъ, выдѣленный изъ взя-

---

[1]) П. Н. Милюковъ—цит. соч. стр. 44.

[2]) Тамъ же, стр. 45—46.

[3]) „Война и гражданскій оборотъ (къ вопросу о мораторіяхъ)“ Проф. В. Б. Ельяшевичъ, Петроградъ. 1914 г. стр. 5.

той въ 1871 году съ Франціи контрибуціи и хранящійся въ башнѣ Julius Thurm Шпандауской крѣпости; потомъ, металлическій фондъ имперскаго банка около 730 мил. марокъ; затѣмъ, суммы, собранныя отъ повышенія налоговъ, отъ допускаемаго закономъ дополнительнаго выпуска кредитныхъ билетовъ на 1 милліардъ марокъ и отъ предусмотрѣнной законами денежной повинности, имѣющей видъ принудительнаго займа деньгами. Но всѣхъ этихъ источниковъ, повторяемъ, Германіи хватитъ лишь на мобилизацію и первые мѣсяцы войны [1]). А что же дальше? Дальше нужно возложить надежды уже на займы и на народное хозяйство. Вотъ съ этой то стороны Германія особенно и уязвима при создавшемся положеніи вещей, какъ это можно видѣть изъ интересной справки профессора Мигулина, данной имъ еще въ самомъ началѣ войны. Сравнительно оцѣнивая главныя воюющія государства съ точки зрѣнія ихъ народнаго хозяйства при новыхъ, вызванныхъ войной, условіяхъ и стараясь предугадать будущее, проф. Мигулинъ говоритъ: „Германія живетъ обрабатывающей промышленностью и внѣшней торговлей, она ввозитъ на громадныя суммы продукты питанія (преимущественно моремъ). При войнѣ съ Англіей, Франціей и Россіей внѣшняя (морская и сухопутная) торговля Германіи прекратится вовсе, привозъ продовольственныхъ продуктовъ станетъ невозможнымъ. Цѣны на съѣстные припасы сразу безумно возрастутъ, промышленность и торговля станутъ, на улицѣ очутится огромное количество безработныхъ, всѣ предпріятія потерпятъ колоссальный крахъ, подобнаго которому міръ еще не видѣлъ. Какія бы побѣды ни одерживала германская армія, онѣ окажутся безполезными. Стоитъ только противникамъ Германіи протянуть войну на годъ, а тѣмъ болѣе на два, и Германія будетъ не въ силахъ ее продолжать отъ истощенія, она вынуждена будетъ сдаться.... Запасы продовольствія въ Россіи неистощимы, обрабатывающая промышленность, благодаря войнѣ, работающая лишь

---

[1]) „Германія“—изъ „Военной энциклопедіи“, стр. 9.

на внутренній рынокъ, можетъ только развиться вслѣдствіе прекращенія германскаго ввоза и военныхъ заказовъ; сокращеніе вывоза сырыхъ матеріаловъ и продовольственныхъ продуктовъ будетъ способствовать ихъ удешевленію внутри страны, что облегчитъ населенію перенесеніе тягостей войны. Въ случаѣ истощенія запасовъ вооруженія и снарядовъ (опытъ Японской войны показалъ, сколь великъ расходъ ихъ въ современныхъ бояхъ), мы можемъ получить ихъ не только отъ союзниковъ, но и изъ нейтральныхъ странъ (напримѣръ изъ Америки). Но откуда получитъ ихъ Германія? Что будетъ дѣлать она, если истощитъ свои запасы селитры, а вѣдь селитру весь міръ пока получаетъ изъ Чили? Во Франціи, странѣ земледѣльческой, запасы продовольствія весьма велики, обрабатывающая промышленность ея развита довольно слабо, работаетъ на внѣшній рынокъ, который войною закрытъ не будетъ (англійскій, американскій, азіатскій), богатства населенія столь велики, что оно перенесетъ неизбѣжныя потери, вызванныя войной, сравнительно легко. Англія, благодаря своему островному положенію, экономически отъ войны потеряетъ очень мало, если сохранитъ господство своего флота и уничтожитъ германскій. Напротивъ, истребляя германскій торговый флотъ, Англія и ея промышленность и торговля отъ войны безмѣрно выиграютъ“ [1]). Такъ говорилъ проф. Мигулинъ два мѣсяца назадъ. Исполняются ли теперь его предположенія относительно Германіи—объ этомъ мы отчасти можемъ судить изъ сообщеній періодической прессы, которыя такъ суммируетъ факты настоящаго экономическаго состоянія Германіи: „въ городахъ безработица растетъ въ ужасающей прогрессіи, не смотря на призывъ всѣхъ военно обязанныхъ мужчинъ въ ряды арміи. Еще въ концѣ августа, судя по даннымъ „Vorwärts“, въ Берлинѣ треть рабочаго населенія сидѣла безъ дѣла. Въ то же время въ деревняхъ ощущается недостатокъ рабочихъ рукъ, и изъ восточныхъ провинцій, являющихся житницей

---

[1]) „Новое Время“ № 13777.

Германіи, идутъ жалобы на то, что поля засѣяны только частью. Попытки воспользоваться безработными изъ городовъ для полевыхъ работъ потерпѣли крахъ, такъ какъ привыкшіе къ высокому заработку и короткому рабочему дню фабричные не могутъ вынести тяжести каторжнаго труда батраковъ въ имѣніяхъ прусскихъ юнкеровъ. Торговыя сношенія съ заграницей почти прекратились, такъ какъ ближайшія нейтральныя страны (Голландія, Данія и Швейцарія) служатъ только посредницами торговли съ Америкой и Востокомъ, а транзитъ черезъ эти страны сильно затрудненъ строгимъ преслѣдованіемъ условной контрабанды англійскими и французскими крейсерами. Три тысячи торговыхъ судовъ стоятъ на якоряхъ въ Германскихъ портахъ, а 70-тысячная пьяная армія матросовъ съ этого громаднаго флота является настоящей грозой для мирнаго населенія. Потерянные внѣшніе рынки такіе видные экономисты, какъ хорошо извѣстный русскому обществу проф. Зомбартъ, предлагаетъ замѣнить сбытомъ товаровъ.... военно-плѣннымъ. Дальше идти некуда. Германія неудержимо катится къ пропасти. Чѣмъ бы ни кончилась война, населеніе Германіи уже раззорено. Весной, когда истощатся свои запасы, хлѣбъ придется искать заграницей. Но большой вопросъ, откуда послѣ войны нѣмцы найдутъ деньги для покупки этого хлѣба. Зимой предъ германскимъ сельскимъ хозяйствомъ станетъ не менѣе грозный вопросъ о прокормленіи скота. Если война будетъ перенесена на германскую территорію, милліонныя арміи кайзера вынуждены будутъ истощать свое же населеніе жестокими реквизиціями. И неоткуда ждать помощи. Финансовое положеніе Германіи изъ рукъ вонъ плохо. Заемъ въ 5 милліардовъ марокъ не удался, какъ и попытки найти деньги заграницей. Война стоитъ ежедневно до 30 милліоновъ рублей, при чемъ съ каждымъ днемъ расходы эти увеличиваются. Знаменитый военный фондъ, хранившійся въ башнѣ Шпандау, растаялъ въ первую недѣлю войны. Недалекъ тотъ часъ, когда имперской казнѣ придется расплачиваться реквизиціонными бумажками, не имѣющими цѣны. Государственное банкрот-

ство надвигается. Сознаніе грозной опасности начинаетъ понемногу проникать въ толпу народныхъ массъ [1]. Вотъ и еще иллюстраціи къ сказанному: „По дѣйствующему въ Германіи закону всѣ платежи производятся въ бумажныхъ деньгахъ за исключеніемъ случаевъ, когда кредиторамъ обусловлено удовлетвореніе ихъ претензій золотомъ. Нынѣ германскій союзный совѣтъ отмѣнилъ обязательство платить золотомъ, даже въ случаяхъ, когда это обусловлено въ договорѣ“ (сообщеніе отъ 19 сентября) [2]. „Торгово промышленный кризисъ въ Австріи принялъ катастрофическіе размѣры. Прекращеніе платежей по всѣмъ торговымъ обязательствамъ побудило правительство учредить особый имперскій институтъ спеціально для разборки всѣхъ дѣлъ по торговымъ несостоятельностямъ (сообщеніе отъ 12 сентября) [3]. Приведенныя справки объ экономической правоспособности главныхъ воюющихъ государствъ, какъ видите, говорятъ въ пользу державъ тройственнаго согласія, и все же онѣ не обѣщаютъ скораго окончанія войны; припомните замѣчаніе проф. Мигулина: Германія, хотя и съ трудомъ, но можетъ продержаться годъ—два. Да и нѣмцы, конечно, не легко согласятся сдать навсегда въ архивъ свои дерзновенныя мечты о несмѣняемой гегемоніи въ Европѣ и о полномъ порабощеніи Славянства. Вильгельмъ заявилъ, что онъ будетъ сопротивляться „до послѣдняго человѣка и послѣдней лошади“ [4]. Поэтому, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ обольщаться надеждой на сравнительно скорое окончаніе завязавшейся международной борьбы. Вообще, лучше не быть въ настоящую минуту оптимистомъ, чтобы не подтачивать въ себѣ энергію, такъ нужную теперь для общаго дѣла, и чтобы не переживать въ будущемъ возможныхъ тяжелыхъ разочарованій [5].

---

[1] „Русское Слово“ 1914 г. № 209; ср. „Vorwärts“ о положеніи Германіи“—„Русскія Вѣдомости“, 1914 г. № 217.

[2] „Камско-Волжская Рѣчь“ № 208.

[3] „Русское Слово“ № 209. [4] „Каз. Телеграфъ“ № 6391.

[5] Проф. В. Б. Ельяшевичъ, выясняя желательное направленіе экономической политики нашего правительства въ текущую войну, между прочимъ, пишетъ: „мы должны разсчитывать на большую про-

Наконецъ, послѣдній вопросъ, едва ли не болѣе интересный, чѣмъ предыдущій — кто выйдетъ побѣдителемъ изъ современной борьбы—Австро Германцы или державы тройственнаго согласія вмѣстѣ съ примкнувшими къ нимъ государствами и, въ частности, наша великая Россія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже предрѣшается отвѣтомъ на предыдущій, но намъ хотѣлось бы уяснить его не съ экономической только точки зрѣнія, но и съ иной, высшей, нравственной, основанія для которой даетъ опять же исторія. Обычно, *конечный* успѣхъ въ долгой вѣковой борьбѣ между народами, при сравнительно благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ борьбы, принадлежитъ тѣмъ національностямъ, *нравственная* культура которыхъ выше. Анализируя съ этой точки зрѣнія современную военную эпопею, мы вполнѣ раздѣляемъ слѣдующую антитезу А. С. Хомякова и сдѣланный имъ изъ нея выводъ. „Мы

должительность войны. Въ этомъ сходятся мнѣнія всѣхъ спеціалистовъ. Они единодушно отвергаютъ распространенное въ публикѣ воззрѣніе, что современная война, въ силу громадности армій, совершенства орудій и необыкновенной высоты связанныхъ съ ней расходовъ, будетъ непродолжительна. Все, по ихъ мнѣнію, указываетъ, наоборотъ, на то, что общеевропейская война будетъ длительнѣе, чѣмъ прежнія войны". Цитирован. сочин. стр. 7—8 и примѣч. 1-е. А вотъ мнѣніе и военнаго обозрѣвателя „Times" по этому же вопросу. Не смотря на общую увѣренность въ конечной побѣдѣ союзниковъ надъ Австро Германцами, все же „не слѣдуетъ питать никакихъ иллюзій насчетъ оборонительныхъ силъ Германіи. Она все еще едина, все еще располагаетъ большими рессурсами. Всѣ ея солдаты вооружены, ея арсеналы, заводы и мастерскія работаютъ полнымъ ходомъ. Флотъ ея не уничтоженъ и можетъ каждую минуту нанести чувствительный ударъ, когда наступитъ для того время. Союзникамъ, такимъ образомъ, нужно много времени, чтобы заставить Германію признать свою слабость. Мы должны готовиться къ продолжительной войнѣ, принимать соотвѣтственно этому мѣры и укрѣплять наши позиціи для того, чтобы отступать въ случаѣ временнаго неуспѣха. Союзники должны постепенно, но неуклонно истощать торговлю, финансы, кредитъ врага. Рѣшивъ, что новая, подобная нынѣшней, война больше невозможна, мы должны бороться до конца, чтобы навсегда уничтожить милитаристическій деспотизмъ, не только угрожающій миру всего міра, но и самому существованію народовъ". „Русское Слово" 1914 г. № отъ 22 сентября.

(славяне) будемъ, какъ и всегда были, демократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто-человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное. Законы могутъ создать у насъ на время родовое дворянство, можетъ быть, и родовое боярство, могутъ учредить у насъ маіоратства и право семейнаго первородства; ложное направленіе народности въ литературѣ можетъ раздувать въ насъ слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства нашего передъ нашею братіею, сыновьями той же великой семьи. Все это возможно. Но невозможно въ насъ вселить то чувство, тотъ ладъ и строй души, изъ котораго развиваются маіоратство и аристократія, и родовое чванство, и презрѣніе къ людямъ и народамъ. Это невозможно, этого не будетъ. Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви и правды и добра не призракъ, а сила живая и неумирающая: зародышъ будущей жизни міровой—не Германецъ, аристократъ и завоеватель, а Славянинъ-труженикъ и разночинецъ призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію" [1]). Глубоко вѣримъ, что исполнится свѣтлое чаяніе А. С. Хомякова и другое, уже извѣстное намъ, предсказаніе М. Д. Скобелева, что „не Германецъ-аристократъ завоеватель", а именно „Славянинъ-труженикъ и разночинецъ" выйдетъ побѣдителемъ и изъ современной, можетъ быть, къ счастью, послѣдней гигантской міровой борьбы; глубоко вѣримъ потому, что Славянинъ, въ противоположность Германцу, сражается сейчасъ не ради торжества племенного эгоизма, а за „чисто человѣческое начало, благословляющее всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное". Съ непоколебимой вѣрой *въ конечное* торжество Славянства въ современной борьбѣ принесемъ теперь всѣ свои силы на алтарь Отечества, переживающаго тяжелое лихолѣтье,

---

[1]) „Записки о всемірной исторіи" ч. I, стр. 107—108. Москва. 1900 г. „Сочин." т. V.

и твердо запомнимъ слѣдующій вдохновенный призывъ одного современнаго писателя, весьма дальнозоркаго въ вопросахъ политическихъ: „Довольно Россія послужила Габсбургамъ и Гогенцоллернамъ. Довольно пролито славянской крови за угнетающіе славянство престолы. Какъ Австрія „удивила міръ“ своею низкою къ Россіи неблагодарностью, такъ и Германія. Пора, наконецъ, Славянству подумать о своемъ затерянномъ мѣстѣ на землѣ. Теперь или *никогда*, но мы ради предковъ своихъ и ради потомства обязаны сдѣлать величайшія послѣднія усилія, чтобы отстоять поглощаемую нѣмцами нашу расу. Ни Австрію, ни Германію мы не вызывали на бой, но если намъ объявлена борьба, и борьба не на жизнь, а на смерть, примемъ же ее трагически, съ клятвой, если нужно, умереть для побѣды. Съ такой рѣшимостью побѣдимъ *непремѣнно*, и побѣдимъ съ наименьшими возможными усиліями“ [1]).

Въ настоящій великій историческій моментъ такъ и хочется громко сказать ко всѣмъ, сражающимся и работающимъ ради праваго святаго дѣла, такъ и хочется воскликнуть золотыя слова опять же безсмертнаго А. С. Хомякова, начертанныя имъ въ одномъ изъ писемъ по поводу Восточной войны 1853—56 гг.: „Кровь человѣческая драгоцѣнна, война ужасна; но Божія рѣшенія неисповѣдимы, и долгъ долженъ быть свершенъ, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ.

Развѣвайтесь же, знамена! Боевыя трубы, звучите! Народы, ломитесь въ бой! Богъ движетъ человѣчество!“ [2]).

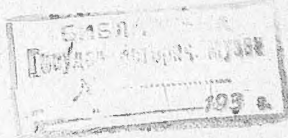
Слава нашему Государю и Его побѣдоносному воинству!

Вѣчная память нашимъ братьямъ, погибшимъ геройскою смертью на полѣ славы!

---

1) „Новое Время“ № 13801 ст. М. Меньшикова — „Должны побѣдить“.

2) „Письмо къ пріятелю-иностранцу предъ началомъ Восточной войны“. „Сочиненія“ т. III. М. 1900 г., стр. 195.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) **„На служеніи слова"**—Поученія и рѣчи, 1904—1911 гг. Казань. 1912 г. Ц. 1 руб.

2) **Домашній бытъ русскихъ патріарховъ** (Магистерская диссертація). Казань. 1904 г. Ц. 2 руб.

3) **Историческія причины домашне-бытового уклада жизни всероссійскихъ патріарховъ** (Рѣчь предъ защитой диссертаціи). Казань. 1904 г. Ц. 20 коп.

4) **Крестьянскій вопросъ въ Россіи и рѣшеніе его при Императорѣ Александрѣ II въ 1861 г.** Казань. 1911 г. Ц. 30 коп.

5) **Русскій народъ и правительство въ борьбѣ съ Франціей за національную независимость въ началѣ XIX столѣтія—до 1815 года.** Казань. 1912 г. Ц. 30 коп.

6) **Основанія прочной власти Русскихъ Государей изъ Дома Романовыхъ.** Казань. 1913 г. Ц. 30 коп.

7) **Александръ Александровичъ Субботинъ—священникъ и законоучитель Казанскаго Родіоновскаго Института** († 24 февраля 1914 г.). Казань 1914 г. Ц. 30 коп.